
Асмодей Денница
Снежная роза Гавaев
Сыч&Сыр
18+

Асмодей Денница

Снежная роза Гаваев

«Автор»
2026

Денница А.

Снежная роза Гаваев / А. Денница — «Автор», 2026

Океанолог Алена Снигерева приезжает на Гавайи, чтобы найти следы исчезнувшего отца, — и обнаруживает, что океан помнит больше, чем люди. В ней просыпается дар Снежной розы: она слышит дыхание древнего подводного города и голоса тех, кто ждал её веками. Разгадка переплетается с любовью к Джеймсу Патрику, а любовь становится ценой: чтобы спасти его, Алене придётся отдать самое дорогое. Мистический роман о силе, которую нельзя удержать, о море, что хранит все тайны, и о выборе, который делает нас людьми.

© Денница А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Остров, где встречаются сны и явь 6
Глава 1. Одинокая волна 13
Глава 2. Танец теней на воде 22
Глава 3. Соль на губах 31
Глава 4. Осколок прошлого 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Асмодей Денница
Снежная роза Гаваев

Океан помнит всё. Каждое обещание, данное шёпотом, каждую слезу, растворённую в соли, каждое сердце, отданное без остатка. Он помнит ту женщину, которая пришла с севера, когда над островом взошла не та луна. Он знает её имя ещё до того, как она произнесла его. Он помнил её до того, как она родилась. Такова цена тех, кто носит в груди снежную розу: океан узнаёт своих задолго до первой встречи. И никогда не отпускает.

Пролог. Остров, где встречаются сны и явь

«Есть на свете острова, которые не отпускают. Они ждут тебя всю жизнь, а когда ты наконец ступаешь на их берег, ты понимаешь: это не ты приехал к ним — это они всю жизнь плыли к тебе. Снежная роза цветёт только на вулканической почве — там, где пепел ещё помнит жар, а снег ещё не научился бояться огня».

Алена Снигерева умела читать воду так, как другие читают письма: по почерку, по нажиму, по тому, что оставлено между строк. Эта привычка — почти маниакальная наблюдательность, из которой она сделала профессию, — началась в пятнадцать лет, с единственного письма, которого она так и не получила. С тех пор она собирала факты, как другие собирают марки: течения, температуры, плотности, даты, имена. Факты не предают. Факты — единственное, на что можно опереться, когда всё остальное — зыбь.

Ноябрь в Санкт-Петербурге — это наказание, придуманное кем-то, кто никогда не бывал в городе, где небо опускается так низко, что начинает давить на плечи. Ледяной ветер с Финского залива хлестал по лицу, заставляя Алену щуриться и глубже кутаться в шарф, который, казалось, промок насквозь ещё до того, как она вышла из подъезда. Небо было цвета старого олова, мокрый снег перемешивался с дождём, превращаясь в мерзкую кашу, которая леденела на асфальте и норовела проникнуть в сапоги. Фонари горели тускло и устало, будто им тоже не хотелось вставать в этот день. Казалось, что даже утро не наступило по-настоящему — просто одна серость сменила другую, чуть более светлую.

Она шла по набережной, стараясь не смотреть на воду, — и в то же время не могла не смотреть. Нева была чёрной, тяжёлой, и в ней, как всегда, что-то шевелилось. Какая-то глубинная дрожь, какое-то медленное, могучее дыхание, которое она чувствовала каждой клеткой тела, как чувствуют приближение грозы. Это была её давняя, тайная, необъяснимая связь с водой. Она не рассказывала о ней коллегам. Им незачем было знать, что дочь знаменитого капитана Снигерева, серьёзный учёный с публикациями в международных журналах, иногда стоит у окна и смотрит на реку так, будто ждёт, что из неё кто-то выйдет. Им незачем было знать и то, что она смотрит не просто так, а вглядывается: проверяет воду, как проверяют свидетеля — по мелочам, которые не врут.

Только что она вышла из здания Института океанологии имени адмирала Макарова — серого, обшарпанного, с облупившейся штукатуркой и вывеской, которую следовало бы заменить лет двадцать назад. Это был её второй дом. Здесь пахло сыростью, книжной пылью, реактивами и глобальной усталостью российской науки, которая умудрялась существовать вопреки всему. Затянувшееся совещание высосало из неё все силы, как пиявка. Четыре часа. Четыре часа цифр, графиков, споров о бюджетном финансировании, о приоритетах, о том, чей отдел важнее, о том, кому достанутся новые приборы, а кому — переходящий красный вымпел за самоотверженный труд. Она слушала, механически кивала, рисовала в блокноте абстрактные узоры — штормовые фронты, изобаты, изотермы, течения, которые пересекались и расходились, как судьбы. Она почти не участвовала в споре. Ей было неинтересно, повторно или впервые дадут деньги на экспедицию. Ей было интересно другое — то, что ждало её в глубине, то, что она чувствовала спиной весь этот час.

Один раз она подняла глаза, когда за окном хлопнула стая птиц, сорвавшихся с карниза. Голуби. Серые, мокрые, они взмыли над крышей и исчезли в сером небе, и Алена поймала себя на том, что провожает их взглядом с какой-то странной, почти детской тоской. Она тоже хотела улететь. Она всегда хотела улететь.

В руках она сжимала папку из плотного картона, от которой, казалось, исходил едва уловимый запах водорослей и соли — предвестник скорой командировки. Запах, который она знала с детства. Запах, от которого у неё сжималось сердце, потому что именно так пахли руки

отца, когда он возвращался из рейсов, — солью, железом, дальней дорогой. Она поднесла папку к лицу и вдохнула. Ничего, кроме старой бумаги. Но воображение было сильнее реальности.

Профессор Лебедев — её научный руководитель, старый друг покойного отца, человек с лицом, измятым, как старые газеты, и глазами, которые, казалось, всё время что-то взвешивали, — почти час говорил с ней в своём кабинете. Кабинет был завален книгами, папками, образцами пород в стеклянных банках, готовыми рассыпаться от ветра. Пахло там табаком, несмотря на запреты, и старой бумагой. Лебедев сидел за столом, вертя в пальцах очки, и глядел на неё поверх столешницы. Алена успела прочитать его за эту минуту, как прочитала бы незнакомца: он вертел очки в левой руке, хотя был правшой, — признак того, что хочет казаться спокойнее, чем есть. Детали ложились, как костяшки домино, готовые сложиться в цепь, — пока он не заговорил.

— Алёна, — сказал он, и в его голосе послышалось что-то, чего она не слышала раньше: какая-то осторожность, какая-то скрытая тревога. — У меня есть к тебе разговор. Не совсем служебный.

Он понизил голос, хотя в кабинете никого не было, кроме них двоих, и достал из ящика стола папку. Ту самую, которую она теперь сжимала в руках. Он положил её на стол, по-хозяйски погладил по обложке.

— Данные по глубоководным термальным источникам в районе Гавайских островов. Термальные поля, биолюминесцентные бактерии, аномальные течения. Это Святой Грааль для нашего отдела, Алёна. Ты единственная, кто способен их осмыслить, — он помолчал, глядя на неё, и добавил тихо: — И ты нужна там. Прямо завтра.

Прямо завтра. Алена не стала спорить. Она привыкла не спорить с Лебедевым. Он был последней нитью, связывавшей её с отцом, последним человеком, который помнил капитана Снигерева живым, помнил его смех, его манеру поправлять фуражку, его прокуренные пальцы, показывавшие на карте маршруты, которые потом сбывались. Иногда ей казалось, что она ходит к Лебедеву не за наукой, а за этими обрывками прошлого — как ходят на кладбище, не потому, что там есть что делать, а потому, что только там можно услышать голос, которого больше нет.

— Хорошо, — сказала она просто. — Завтра так завтра.

Лебедев посмотрел на неё странно. Так смотрят на человека, с которым прощаются навсегда, но не решаются сказать об этом вслух.

— Береги себя, Алёна, — сказал он. — Вода там неспокойная. И люди… люди там разные. Ты помнишь, что у тебя есть я. Если что-то пойдёт не так, если возникнут проблемы — любые проблемы — ты знаешь, куда позвонить.

Она кивнула, не придав значения его словам. Она не знала тогда, что это было предупреждение. Или что Лебедев уже тогда знал больше, чем говорил.

Она вышла из института, и серый ноябрьский вечер снова обнял её за плечи. Она долго стояла на набережной, глядя на тёмную воду Невы. Несуразно широкая в этом месте, река катилась мимо, неспешно, могущественно, и Алена думала о том, что отец, наверное, любил эту воду. Он всегда говорил, что Нева — это прихожая океана. Что, если плыть по ней достаточно долго, попадёшь во все моря мира. Он никогда не возвращался из своих рейсов одинаковым. Всегда приходил другим человеком — обожжённым солнцем, прокопчённым ветром, с глазами, в которых плескалась бесконечность. Мать смеялась: «Твой отец привозит домой кусочки океана». И она была права.

Алена шла домой пешком, хотя могла бы доехать на метро. Ей нужно было движение, воздух, усталость в ногах, чтобы заглушить ту странную тревогу, которая разрасталась внутри неё весь день. Она шла по Васильевскому острову, мимо старых домов с дворами-колодцами, мимо парадных с резными дверями, мимо витрин, в которых загорались жёлтые огни. Город готовился к ночи. А она готовилась к отлёту.

Дома, в маленькой, но уютной квартире на шестом этаже, её ждал уже собранный чемодан. Она собрала его вчера вечером, механически, повинуясь не разуму, а какой-то внутренней директиве, которая щёлкала в ней, как тумблер: понадобится — положи. Лёгкие платья, которые она почти не носила, купальник, купленный два года назад и так и не снявший ценник, паспорт, ноутбук, запасные зарядки, блокноты, книги. Она вытащила чемодан в прихожую, проверила замки и только потом позволила себе сесть в кресло и закрыть глаза.

Квартира пахла книгами и сухими травами. Мать сушила их на кухне — мяту, чабрец, зверобой — развешивала на бельевой верёвке над плитой, и потом весь дом ещё неделю пах летом. Матери не было двадцать лет, но запах держался, как держатся на старых стенах следы краски: нельзя стереть, можно только закрасить. Алена не закрашивала. Она берегла эту квартиру как музей. Как единственное место, где мамин голос ещё звучал между стен.

Она подошла к окну и посмотрела на тёмную воду Невы. Река шла тяжело, катила свинцовые волны под мостом, и в её глубине, казалось, шевелилось что-то тёмное, медленное, неспешное. Она всегда чувствовала странную связь с водой. Не объяснимую, не научную — какую-то первобытную, идущую из тех глубин, где не работают формулировки. Стоя у окна, она думала об отце. О том, как он уходил в свой последний рейс. Ей было пятнадцать. Он стоял на причале, такой большой, такой живой, и махал ей рукой. Потом развернулся и пошёл по трапу, ни разу не обернувшись. Она помнила эту спину — крепкую, прямую, в форменном кителе. Помнила, как хотела крикнуть ему вслед: «Папа, не уходи!» — и не крикнула. Потому что ей было пятнадцать, и она считала себя взрослой. Потому что она была уверена, что он вернётся.

Он не вернулся.

«Атлантик Роуз» — сухогруз, на котором он ходил капитаном, — вышел из порта Хило на Гавайях в свой последний рейс и исчез. Без сигналов бедствия, без обломков, без следов. Просто исчез, как будто океан проглотил его целиком, вместе с командой, вместе с грузом, вместе с её отцом. Официальная версия — шторм. Неофициальная — никакой. Его искали полгода. Нашли — ничего. Алена выучила документы той операции наизусть, до последней радиограммы, и в них не хватало одной детали: судно уходило в море не по своему маршруту. Изменение внесли в диспетчерскую запись за четыре часа до выхода. Она носила эту недостающую деталь в себе двадцать лет, как носят под сердцем камень, — и каждый новый факт об океане примеряла к ней: а вдруг этот раз сойдётся.

Алена так и не приняла эту потерю. Она научилась жить с ней, но не приняла. Она стала океанологом, чтобы понять, как вода может вот так просто забирать людей. Она изучала течения, глубины, аномалии, потому что где-то в глубине души верила: если она поймёт океан, она поймёт, куда он дел её отца.

Мама, художница, умершая, когда Алене было двенадцать, — за три года до исчезновения отца, — говорила: в их роду были ясновидящие. Женщины по линии Снигеревых всегда знали больше, чем положено. Прабабка видела за три дня до того, как пришла телеграмма, что её сын не вернётся с фронта. Она выходила на крыльцо и смотрела на дорогу, и соседи говорили: «Варвара опять ждёт». Она ждала. И он не вернулся. Бабка угадывала имена будущих женихов у подруг, и подруги потом выходили замуж именно за этих людей, пугаясь до слёз. Мать видела море. Она говорила, что море тянет её, что ей снятся одни и те же сны — огромные волны, подводные города, свет в глубине. Она рисовала эти сны. В их квартире до сих пор висит её картина — «Глубина», — и Алена каждый вечер проходит мимо неё, стараясь не смотреть. На этой картине из тёмной воды поднимается город. Белые башни, арки, купола. И в центре — свет. Золотой, тёплый, пульсирующий, как сердце. Однажды, ещё студенткой, Алена рассмотрела картину вплотную — с лупой, как улику, — и нашла на одной из башен крошечную фигурку девочки с распущенными волосами. Ниже, почти нечитабельно, мать вывела год. Алене тогда было семь. Картина была написана за четыре года до её рождения. Она никому

не рассказывала об этой находке. Но с того дня, стоя перед «Глубиной», она спрашивала себя: что мать знала?

— Ты чувствуешь воду больше, чем другие, дочка, — шептала мать, поглаживая её по волосам. — Это не проклятие. Это дар. Не бойся его. Он приведёт тебя к чему-то важному. Только помни: вода никогда не обманывает, но она никогда и не жалеет. Она показывает правду. А правда — это не всегда то, что ты хочешь увидеть.

Алена всегда скептически относилась к этим словам. Она была учёным. Она верила в приборы, в данные, в воспроизводимость эксперимента. Дар — это то, что не помещается в таблицу, а значит, не существует. Она говорила себе это сотни раз, стоя перед маминой картиной. И всё же — она становилась океанологом. И всё же — она чувствовала воду. И всё же — сейчас, стоя у окна, она внезапно ощутила, как по её спине пробежал странный электрический разряд. Волосы на руках встали дыбом.

Вода в Неве, казалось, стала темнее. Гуще. Из её глубины, там, где обычно было чёрно и непроглядно, мелькнул какой-то призрачный свет. Бледный, зеленоватый, он всплыл, покачиваясь, как поплавок, — и погас. Алена моргнула, автоматически фиксируя детали: время, ветер, угол фонаря на мосту, блик от мокрого стекла. Все объяснения сходились. Ни одно не ложилось. Сердце стукнуло раз, второй, третий. Ей показалось, или воду на мгновение прорезал свет — яркий, золотой, совсем не похожий на отблеск фонаря.

«Нервы», — решила она, отворачиваясь от окна. «Переутомление. Слишком много работы. Четыре часа совещания, перелёт завтра, сборы». Она подошла к столу, где лежала её самая ценная книга — старый фолиант о морских течениях, подаренный отцом. Обложка из тёмно-синего ледерина, потёртая, с золотым тиснением, которое почти стёрлось, но всё ещё угадывалось: «Моря и океаны». Отец вписал на форзац чернилами: «Алене — чтобы она всегда помнила, откуда пришла. Твой капитан».

Она часто листала эту книгу. На её страницах отец оставлял пометки — аккуратные, карандашные, на полях. «Здесь сильное течение, держись левее». «В этом районе рыбаки находят странные предметы». «Проверить глубину». Это был его личный атлас, его карта мира, его исповедь. Алена берегла книгу как зеницу ока. Она была последним, что осталось от него живого — помимо памяти.

Она открыла книгу на закладке. И замерла.

Закладкой служил высушенный цветок. Небольшая белая роза с необычными, почти прозрачными лепестками. Тонкими, как крылья стрекозы, и на просвет они казались ледяными. Алена понятия не имела, откуда он взялся. Она никогда не клала его туда. Она знала эту книгу наизусть — каждый корешок, каждую страницу, каждую пометку. Цветка в ней не было. Она была в этом уверена на сто процентов. И всё же он лежал здесь, на странице о Гавайских островах, — хрупкий, белый, невозможный.

Она осторожно взяла его в руки — двумя пальцами, как улику, которую нельзя повредить. Он был сухим, но не рассыпался — лепестки держались, будто их только вчера срезали. И от него исходил аромат. Нежный, но отчётливый. Она ожидала чего угодно — сухой травы, пыли, ничего. Вместо этого — смесь жасмина и морской соли, сладкая и горькая одновременно, как слёзы пополам с солью. Аромат был настолько живым, что у неё закружилась голова. Она поднесла цветок к лицу, закрыла глаза и вдохнула.

«Снежная роза», — вдруг пришло ей в голову.

Слово само всплыло из глубины сознания, готовое, целое, как будто оно ждало здесь, в темноте, именно этого цветка, чтобы выйти на поверхность. «Снежная роза». Она произнесла это вслух, одними губами, и в комнате будто стало тише. Чайки за окном перестали кричать. Нева перестала шуметь. Мир затаил дыхание на одно мгновение — ровно на то, чтобы она произнесла эти два слова.

Она положила цветок обратно в книгу, закрыла её и убрала в чемодан. Объяснить себе, зачем берёт его с собой, она не могла. Просто взяла. Как берут талисман, сами не зная почему. Как будто что-то подсказывало ей: не оставляй его здесь. Он тебе понадобится.

Поздно ночью, уложив последние вещи, она заснула в кресле, так и не дойдя до кровати. Ей снился сон. Странный, липкий, как мёд, и в то же время прозрачный, как вода.

Она стояла на берегу океана. Ноги утопали в песке, чёрном, как вулканическая ночь. Вода была тёплой, как парное молоко, и пахла чем-то тревожным, сладковатым — жасмином, серой, солью. Небо было звёздным, но звёзды здесь были другие — крупные, яркие, низкие, как будто их можно достать рукой. Вдалеке, на горизонте, что-то светилось — то ли город, то ли вулкан, то ли просто отражение луны на воде.

Прямо из волн, шагнув на берег, на неё смотрел мужчина.

Он был высоким. Волосы — цвета мокрого песка, выгоревшие на солнце, со светлыми прядями. Глаза — цвета океанской глубины, янтарные, с золотыми искрами, в которых плескался свет. Он не двигался, просто стоял и смотрел, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни оценивающего любопытства — только узнавание. Так смотрят на вещь, которую давно искали и наконец нашли. Так смотрят на человека, которого ждали всю жизнь, даже если сами этого не понимали.

Он протянул к ней руку. И Алена, не в силах сопротивляться, шагнула в воду. Волна приняла её, нежно, как мать принимает ребёнка. Вода была тёплой, ласковой, и она не боялась. Она тонула, но не боялась. Чувствовала лишь всепоглощающее притяжение и тихий, настойчивый зов — зов, который шёл не извне, а из неё самой. Вода смыкалась над ней, тёплая, золотистая, светящаяся изнутри, и в этом свете она видела его лицо — рядом, вплотную, так близко, что чувствовала его дыхание: солёное, тёплое, живое.

«Алоха», — сказал он.

Слово отдалось в её груди, как удар колокола. Тёплое, родное, незнакомое. Оно было приветствием и прощанием одновременно, обещанием и предупреждением. Она не знала этого слова, никогда не слышала его, и всё же понимала его так, будто знала всегда.

— Алоха, — ответила она, не зная, откуда берёт это слово.

Он улыбнулся. И в его улыбке было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание — что-то древнее, тёплое, опасное. Он поднял руку и коснулся её щеки — кончиками пальцев, легко, как будто проверял, настоящая ли она. Его прикосновение обожгло её. Не жаром — холодом. Снегом. Оно было ледяным и огненным одновременно.

«Я ждал тебя», — сказал он. Но голос его прозвучал не извне, а внутри неё, в самой глубине, где не бывает слов.

И проснулась.

Утро встретило её серым петербургским светом, чайкой за окном, которая орала над Невой, и запахом кофе, доносившимся из кухни, — она забыла выключить кофеварку, и она механически выключила её, прежде чем пойти в душ. Дрожащими руками она налила себе воды и выпила залпом. Сердце всё ещё колотилось. На коже, там, где его пальцы коснулись её щеки, всё ещё держалось то странное ощущение — снег и огонь, лёд и пламя.

Она подошла к зеркалу. Лицо у неё было бледным, глаза — огромными, тёмными. Она посмотрела на себя и сказала вслух, строго, как говорила себе всегда:

— Это был сон, Алёна. Просто сон. Переутомление. Сборы. Перелёт. Ты учёный. Ты веришь в факты. А факт состоит в том, что завтра ты улетаешь на Гавайи, чтобы исследовать термальные источники. Вот и всё.

Но внутри неё всё ещё бился тот странный отголосок тепла. Оно держалось под рёбрами, как держится последний уголь в остывающей печи. Она отмахнулась от наваждения, умылась ледяной водой, наскоро позавтракала — яйцо, хлеб, кофе — и, взяв чемодан, вызвала такси в аэропорт.

Пулково встретил её серостью, очередями и запахом аэропорта — смесью кофе, пластмассы и усталости. Она прошла регистрацию, сдала багаж, прошла досмотр. Перед выходом на посадку она зашла в маленький магазинчик и купила бутылку воды и шоколадку — просто чтобы занять руки. А потом сидела у окна в зоне вылета и смотрела на серое небо, на котором не было ни одного просвета.

Она думала об отце. О том, что через несколько часов она будет над Тихим океаном — над тем самым океаном, который взял его у неё. Она не была здесь с тех пор, как пропала «Атлантик Роуз». Она не летала в эту сторону. Она избегала. А теперь возвращалась — по работе, как казалось. Но кто-то внутри неё знал: это не работа. Это возвращение.

Объявили посадку. Она встала, взяла ручную кладь, пошла к выходу. Пол на секунду качнулся под ногами — так ей показалось. Она остановилась, перевела дыхание и пошла дальше. Позади неё, на кресле, осталась забытая шоколадка. Она не заметила.

Самолёт взлетел, разрывая серые тучи, и набрал высоту. Алена сидела у иллюминатора, глядя вниз, на бесконечное море облаков. Потом облака кончились, и за иллюминатором открылась бездна Тихого океана. Изумрудная, синяя, бесконечная. Солнце стояло высоко, и от воды, казалось, поднималось тепло, которое чувствовалось даже сквозь стекло.

Алена смотрела на океан, и внутри неё разрасталось то самое предчувствие, о котором говорила мать. Оно было не тревогой. Это было ожидание. У неё защемило в груди — так щемит, когда смотришь на фотографию места, в котором никогда не был, но которое помнишь как родное. Она прижала ладонь к стеклу, как будто хотела коснуться воды. Океан простирался под ней на сотни миль — синий, бескрайний, живой. И она чувствовала, что он знает о ней.

В аэропорту Лос-Анджелеса, где была пересадка, ей показалось, что за ней кто-то наблюдает. Обычное ощущение в переполненном терминале, но оно было настойчивым, конкретным. Она оглянулась. Люди спешили, катили чемоданы, разговаривали по телефонам. Никто не смотрел на неё. И всё же холодок пробежал по спине. Она потёрла рукав, отогнала ощущение и пошла к своему выходу.

Перелёт через океан был долгим. Она почти не спала — смотрела на воду, потом на звёзды, потом снова на воду. Задремала уже на подлёте к Гонолулу, и ей снова приснился он. Тот же берег, тот же чёрный песок, те же янтарные глаза. Он стоял по колено в воде и смотрел на неё. И снова протянул руку. И снова она шагнула.

«Алоха», — сказал он.

И она ответила, уже не удивляясь:

«Алоха».

Она проснулась от того, что самолёт пошёл на снижение. За иллюминатором розовел рассвет. Где-то внизу, в дымке, проступили очертания островов — тёмные, гористые, с белой каймой прибоя. Гавайи. Она смотрела на них, и сердце колотилось где-то в горле.

В Гонолулу она пересела на маленький самолёт местной авиакомпании. Пятнадцать минут над водой — и остров приблизился, вырос из океана, стал огромным. Она прижималась лбом к холодному стеклу, разглядывая его: белые пляжи, тёмные поля лавы, зелёные горы, вершины которых кутались в облака. Большой остров.

Она приземлилась в аэропорту Кона, и её тут же окутал влажный, сладкий воздух, наполненный ароматом цветов и вулканической земли. Запах был резким, живым, пьянящим — таким, от которого кружится голова на пустой желудок. Она сошла по трапу, сделала шаг, и земля под ногами оказалась тёплой — не от солнца, а как будто изнутри, как будто она сама дышала жаром.

Небо было такого синего цвета, какого она не видела никогда в жизни. Чистое, бесстыдное, яркое. Солнце жгло, и кожа на руках тут же покрылась испариной. Пальмы шумели на ветру, и этот шум был живым, не похожим на шорох берёз, — более древним, более низким, как будто деревья разговаривали на языке, который люди давно забыли.

Аэропорт Кона был маленьким, почти летним — открытые галереи, цветы в кадках, яркая реклама. Она прошла паспортный контроль, получила багаж и вышла в зал прилёта, щурясь от солнца.

Её встречал представитель института — пожилой гаваец с добрыми, глубокими глазами и ожерельем из ракушек на шее. Он держал табличку с её фамилией — «СНИГЕРЕВА» — и улыбался так, будто увидел старого друга. Он шагнул к ней, протянул руку — ладонь была широкой, горячей, мозолистой — и произнёс то самое слово, которое она слышала во сне:

— Алоха, доктор Снигерева. Добро пожаловать на Большой остров.

Алена сжала его руку. И почувствовала, как в кармане джинсов, где лежал сухой, хрупкий лепесток «снежной розы» — она сама не помнила, как он туда попал, — стало тепло. Не жарко. Именно тепло, как от живого тела. Как будто цветок узнал воздух этого острова и ожил.

Она улыбнулась в ответ. У неё перехватило дыхание — от жары, от смены часовых поясов, от всего сразу. А может, от чего-то другого. От того, что за спиной у пожилого гавайца, у выхода из аэропорта, мелькнул силуэт — высокий мужчина с выгоревшими волосами. Он стоял в тени пальмы, и ей показалось, что он смотрит на неё. Она моргнула. Силуэт исчез.

— Это солнце, — сказала она себе. — Это просто солнце.

— Доктор Снигерева? — вежливо спросил гаваец, перехватывая её взгляд. — Вы в порядке?

— Да, — ответила она. — Да, всё в порядке. Просто… долгая дорога.

Он кивнул, понимающе улыбнулся и повёл её к машине. Запах жасмина и соли витал в воздухе. Океан ждал её за пальмами — огромный, синий, живой.

И кто-то ждал её в океане.

Она ещё не знала его имени. Но океан уже знал её. И снежная роза в её кармане — та самая, невозможная, выросшая из ниоткуда, — наконец-то нашла свою почву.

Впереди был остров. Впереди была тайна. Впереди была любовь, которая сожжёт её дотла, — или возродит из пепла.

Океан умеет ждать. Но он умеет и напоминать о себе.

Алена Снигерева ступила на землю Большого острова — и не знала, что с этой секунды её жизнь навсегда изменилась. Что снежная роза, которую она везла в кармане, не отпустит её. Что древние боги, спящие в вулканах, уже открыли глаза. И что где-то в тени — на пирсе, в кафе, в тёмной воде у рифа — уже ждёт тот, кто произнесёт её имя так, как умеют произносить только те, кто ждал всю жизнь.

До конца этого ответа она ещё не знала ничего из этого. Она стояла на тёплой земле, вдыхала сладкий воздух и смотрела на синюю бесконечность океана. И впервые за двадцать лет — с тех пор, как пропал отец, — ей показалось, что она пришла домой.

Океан принял её. Океан всегда принимает своих.

Глава 1. Одинокая волна

«Путь в тысячу миль начинается с одного шага. Но иногда этот шаг отбрасывает тебя на десять тысяч лет назад — в самое сердце того, что ты так старательно пыталась забыть. Одинокая волна не разбивается о берег. Она ждёт. Она набирает силу. Она возвращается. Так и чужой взгляд: он приходит к тебе задолго до того, как ты увидишь его обладателя».

Кондоминиум «Magic Sands» стоял в пяти метрах от океана, и это было одновременно его главным достоинством и главной опасностью. Алена поняла это в первую же минуту, как переступила порог номера: одна из стен была сплошным стеклом, выходящим прямо на воду, и стекло это распахивалось, превращая гостиную в открытую террасу. Тот, кто проектировал это здание, знал, что делает: он не строил дом для туристов. Он строил клетку, в которую хочешь попасть сам и из которой не хочется выходить.

Алена стояла на балконе, сжимая в руках чашку с ещё не остывшим кофе, и смотрела на бескрайнюю синеву Тихого океана. Она приехала три часа назад. Успела разобрать вещи, принять душ, переодеться в лёгкие льняные брюки и белую блузку, наскоро перекусить в маленьком кафе на первом этаже и — наконец позволить себе выйти на балкон. Вещи были разобраны, ноутбук заряжался на столе, папка с документами лежала нетронутой. Институт, декабрь, слякоть, завывания Лебедева — всё это было за тысячи миль отсюда, и, стоя над синей бездной, Алена почти верила, что всё это ей приснилось. Почти. Потому что одна деталь в номере не давала ей покоя: стёкла на балконной двери были вымыты до блеска с внутренней стороны, а с наружной — на высоте человеческого роста — отпечаток ладони. Чей-то, слишком ровный, слишком свежий. Она стёрла этот факт как незначащий, но мозг уже записал его — на полку, где лежали недоукомплектованные до конца версии, чтобы достать их, когда понадобится.

Солнце стояло высоко, и его свет был не здешний, не европейский — какой-то обильный, жирный, золотой. Пальмы качались на ветру, бирюзовая вода казалась жидким стеклом, а белый песок пляжа был настолько чистым, что хотелось сбежать вниз босиком. Откуда-то доносился запах цветов — сладкий, густой, почти осязаемый, как будто воздух был замешан на мёде. Алена сделала глоток кофе, закрыла глаза и почувствовала, как солнце впитывается в кожу — медленно, глубоко, как вода в сухую землю.

«Ты здесь не в отпуске, — напомнила она себе. — Ты здесь по работе. Экспедиция. Данные. Термальные источники. Погружения. Не расслабляйся».

Но расслабиться было легко. Воздух был тёплым, как парное молоко. Океан дышал ровно — и от этого дыхания, казалось, поднимались вверх тепло и влага, ложившиеся на лицо невидимыми ладонями. Она чувствовала, как напряжение последних недель — нет, лет — медленно отпускает её плечи. Как разжимается стиснутая челюсть. Как тает где-то за грудиной тот ледяной ком, с которым она жила столько времени, что уже и не помнила, каково это — жить без него.

Она открыла глаза и посмотрела на океан.

И в этот момент — в этот самый момент — она почувствовала его.

Не увидела. Не услышала. Почувствовала. Взгляд. Тяжёлый, тёплый, пристальный — он коснулся её спины между лопаток, как прикосновение руки. Она вздрогнула, резко обернулась и увидела в проёме балконной двери мужчину.

Он стоял, прислонившись плечом к косяку, сложив руки на груди, и смотрел на неё с выражением, в котором было всё сразу: любопытство, насмешка, узнавание и ещё что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание и почему-то вспыхнули щёки. Он был высоким. Широкоплечим. Загорелым до бронзового оттенка — но загар его был не курортный, песочного цвета,

а тёмный, глубокий, с золотистым отсветом, как у людей, которые годами живут под южным солнцем, а не приезжают на две недели. Волосы — коротко стриженные, русые, выгоревшие почти добела на солнце. И глаза — светло-карие, почти янтарные, с золотыми искрами, которые плясали в них, как блики на воде.

«Ты видела его во сне», — шепнул кто-то внутри. «Это он. Тот самый. Из сна». Сердце пропустило удар, потом ещё один, потом забилось быстро-быстро, как птица в клетке. Алена сглотнула и заставила себя дышать. Ей показалось — или это правда было так? — что в его лице было что-то знакомое до боли, до дрожи, как будто она знала его тысячи лет. Как будто не он только что вошёл в её номер, а она вошла в его жизнь задолго до этой встречи.

— Мисс Снигерева? — Голос был низким, грудным, с лёгкой хрипотцой, которая, казалось, смешивалась с шумом прибоя, доносившимся снизу. — Простите, я, наверное, не вовремя.

Она молчала, сжимая руку с чашкой так, что костяшки побелели. Он был здесь. В её номере. Откуда? Как? Она была уверена, что закрывала дверь. Впрочем — отпечаток ладони на наружном стекле, аккуратный до странности, вдруг встал на своё место. Она успела заметить это, даже не думая, — глаза работали сами, как работают у человека, который всегда считал наблюдение лучшей защитой.

— Я Джеймс Патрик, — он сделал полшага вперёд, из тени в свет, и улыбнулся — чуть заметно, одними уголками губ. Улыбка у него была... опасная. Не в смысле угрозы. В смысле обещания. — «Сан-Франциско Кроникл». Мы договаривались о встрече на завтра. Но я проходил мимо и решил, что не грех представиться лично. Ваш научный руководитель, профессор Лебедев, был так любезен, что отправил мне ваше расписание.

— Я не ожидала вас так рано, мистер Патрик. — Голос её прозвучал холоднее, чем она хотела. Холодно — это было её обычное состояние. Она научилась этому за годы работы, за годы обороны. — Боюсь, я ещё не готова к интервью.

— О, это не интервью, — он рассмеялся, и смех у него был низким, приятным, немного хриплым, как шум гальки, перекатываемой волной. Он смеялся по-настоящему, всем существом, и от этого смеха веяло такой жизнью, такой свободой, что Алене на миг стало завидно. — Я просто хотел убедиться, что вы действительно существуете. Профессор Лебедев так восторженно рассказывал о вас, что я подумал: такая женщина не может быть реальной. Русский учёный. Красавица. Да ещё и специалист по глубоководным экосистемам. Обычно таких героинь придумывают для дешёвых романов, а не для экспедиций на дно океана.

Он говорил это с явной насмешкой — но в глазах его читался неподдельный интерес. Не мужской, оценивающий — хотя и он там был, — а скорее профессиональный, живой. Он разглядывал её так, как разглядывают интересную находку, как разглядывают человека, в котором чуют историю. Алена почувствовала, как по коже пробежал холодок. И не от его слов. От того, как он смотрел. Этот взгляд проникал слишком глубоко. Словно он видел её насквозь, читал её мысли, её страхи, её одиночество. Она не привыкла к такому вниманию. В лаборатории все коллеги были либо женаты, либо слишком увлечены наукой, чтобы замечать в ней женщину. Она давно научилась быть невидимой для мужских глаз — это было удобно, надёжно, безопасно. А здесь, под этим ярким тропическим солнцем, она вдруг остро, до боли ощутила, что она — женщина. Что у неё есть плечи, ключицы, запястья, которых можно касаться.

Она скрестила руки на груди — защитное движение, которое она ненавидела в себе и которое делала постоянно.

— Мистер Патрик, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я ценю вашу проницательность. Но у меня нет времени на игры. Через час у меня встреча с командой, мы обсуждаем план погружений.

— Ваша команда, — он кивнул в сторону океана, — это несколько ленивых парней на катере, которые уже час безуспешно ищут по всему пирсу пропавший аккумулятор для гид-

роакустической станции. Я был там. Видел всё. Катер сегодня в море не выйдет. Поэтому вы совершенно свободны. — Он помолчал и добавил с той же лёгкой улыбкой: — И кстати, тот, кто «пропал», — он не пропал. Его вчера вечером выгрузили на берег, и я своими глазами видел, как его уносили в сторону ремонтной мастерской за рынком. Так что пропажа, скорее всего, «производственная». Или, если хотите, «снабженческая».

Алена уставилась на него, чувствуя, как внутри закипает раздражение пополам с любопытством. Он был прав — откуда-то он знал. Она так и не успела дозвониться до координатора станции, чтобы уточнить детали, но если катер не выйдет...

— Откуда вы знаете про аккумулятор? И про мастерскую?

— Я журналист, — он пожал плечами с таким видом, будто это всё объясняло. — Моя работа — знать. А ещё я любопытный человек. Любопытство — это профессиональная деформация. Я сую нос в чужие дела, потому что не могу иначе. Вот, например, про вас я уже знаю, что вы пьёте кофе без сахара, но с молоком. Что у вас на левом запястье — старые часы с мужским ремешком, наверное, отцовские, и вы их носите, не снимая. Что вы сегодня утром перечитали папку с документами дважды, хотя помните её наизусть. И что сейчас вы решаете, послать меня подальше или всё-таки пойти посмотреть на то, что я хочу вам показать.

Алена открыла рот и закрыла его. Он перечислил всё — часы, кофе, папку. Она машинально посмотрела на запястье, где тускло поблёскивал старый хронометр отца, — она действительно никогда его не снимала. Логика, стоящая за каждым его словом, была прозрачной, как вода у берега: кофе — по засахаренной ложке возле чашки; часы — по вытертому до белизны ремешку; папка — по аккуратно перевёрнутой стопке на столе. Всё честно. Всё на виду. И всё же он произвёл на неё впечатление — не фокусом, а тем, что не стал им хвастаться как фокусом.

— Вы... — начала она.

— Наблюдательный, — закончил он за неё. — Это всё, чем я могу оправдать свою невоспитанность. Признаю. Но если вы согласитесь пойти со мной, я больше не буду пугать вас дедукцией. Обещаю. Ну, почти обещаю.

Он вытащил из кармана маленькую белую ракушку. Идеальной формы, гладкую, как слоновая кость, внутри которой, казалось, сиял какой-то перламутровый свет. Он протянул её ей на раскрытой ладони.

— Это не подарок, — сказал он, видя её колебания. — Это пропуск. Я знаю одно место. Оно не отмечено ни на одной туристической карте. Там океан говорит. Там можно услышать то, что никогда не услышишь с помощью своих приборов. — Он наклонил голову, и в его глазах заплясали озорные искры. — Пойдём. Я покажу вам настоящие Гавайи, а не туристический глянец.

В его словах был вызов. Он проверял её. Оценивал: готова ли этот северный учёный шагнуть в неизведанное. И, к собственному удивлению, Алена почувствовала, как в груди разливается странное, забытое возбуждение.

Она всегда жила по плану. По расписанию. По правилам. Понравилось ей это или нет — это была её броня. Она надела её в пятнадцать лет, когда исчез отец, и не снимала с тех пор. Потому что если следовать правилам — ничего плохого не случится. Если держать всё под контролем — мир не посмеет выбить тебе почву из-под ног. Броня работала. Годы шли. Она защитила диссертацию, получила лабораторию, имя в научных кругах. И одинокая женщина с отцовскими часами на запястье, которая пьёт кофе без сахара и перечитывает документы дважды.

А здесь, на этом острове, под этим солнцем, ей предлагали сломать все правила.

«Не ходи. Это опасно. Ты его не знаешь».

Но внутри неё, где-то под броней, подо льдом, под всеми слоями защиты, что-то шевельнулось. Что-то тёплое. Что-то живое. И это что-то сказало: «Иди».

— Хорошо, — вырвалось у неё прежде, чем она успела подумать. — Только я предупреждаю: если это окажется очередной туристической ловушкой, я напишу о вас разгромную статью в научном журнале. И «Сан-Франциско Кроникл» будет упоминаться там как источник лженаучной информации.

Джеймс расхохотался. Его смех эхом отразился от стен кондоминиума и смешался с шумом прибоя — так, что на секунду стало непонятно, где что. Он смеялся не обидно, а с каким-то искренним восторгом, как будто она подарила ему лучший анекдот года.

— А вы, я смотрю, с характером. — Он качнул головой, и в глазах его было одобрение. — Это хорошо. Мне нравятся женщины с характером. С ними всегда интересно. И кстати, мисс Снигерева, — он сделал шаг ближе, и от него пахло морем, кофе и тёплым деревом, — если вы решите писать разгромную статью, я буду вашим самым преданным читателем. Обещаю.

Он повернулся, придерживая дверь, и вышел на лестницу. Алена постояла мгновение, собираясь с духом, потом поставила чашку на перила балкона и последовала за ним. Ракушка осталась у неё в ладони — она успела сжать её, даже не заметив, как. Перламутр внутри неё был тёплым, как будто его только что держали в чьих-то руках.

Они вышли из кондоминиума на тенистую аллею, пробираясь между пышными кустами гибискуса, которые, казалось, были высажены здесь без всякой системы — просто потому, что им нравилось расти. Воздух был тягучим, влажным, пропитанным запахом цветов и вулканической пыли. Солнце безжалостно припекало, и Алена пожалела, что не взяла с собой кепку. Она сняла лёгкую блузку, оставшись в майке, и повесила её на плечо.

Джеймс шёл чуть впереди, уверенно прокладывая путь. Он ловко лавировал между корявыми стволами бананов и огромными, как зонтики, листьями таро. Иногда он оглядывался на неё — проверяя, не отстала ли, — и каждый раз в его глазах плясали те же озорные искры. Он молчал, и Алена не нарушала молчание. Ей было хорошо идти вот так, слушать шорох листьев, чувствовать тёплый воздух кожей, видеть, как свет пятнами ложится на землю сквозь листву.

Она поймала себя на том, что разглядывает его. Загорелые руки, покрытые лёгким золотистым пушком. Широкую спину, перекатывающуюся под тканью льняной рубашки. То, как он двигается — плавно, уверенно, как будто весь мир принадлежит ему. «Не пялься», — сказала она себе. Но смотрела. Не могла не смотреть. Что-то в этом человеке было такое, что цепляло её внимание, как крючок — губу рыбы. Она не могла объяснить это логически, и это её пугало.

Они вышли к небольшой бухте, скрытой от посторонних глаз огромным навесом из застывшей лавы. Она, наверное, тысячу лет назад текла здесь, жидкая, огненная, а потом остыла, превратившись в причудливый чёрный амфитеатр, выходящий к воде. Вода здесь была необычного цвета — тёмно-изумрудной, почти чёрной у берега, и невероятно чистой. На поверхности не было ни одной волны — только лёгкая зыбь, как будто океан дышал. Берег был усыпан не песком, а мелкой галькой, отполированной морем до блеска, цвета слоновой кости и чёрной смолы.

— Здесь, — тихо сказал Джеймс, останавливаясь. — Это место местные называют «Врата Пеле». Говорят, если сесть у воды в полнолуние и ничего не бояться, можно увидеть своё прошлое и будущее. Но сейчас это просто... просто лучший пляж для разговоров.

Он сел на тёплый камень, и Алена, помедлив, села рядом. Она сняла сандалии и опустила ступни в воду. Она была прохладной, но не ледяной — в ней, казалось, смешались холод глубин и жар вулканов. Она смотрела на воду и чувствовала, как внутри неё, медленно, осторожно, расслабляется что-то — что-то, что было сжато годами.

— У меня есть к вам один вопрос, Алена.

Она не обернулась на него, продолжая смотреть на воду.

— Мы только что встретились, мистер Патрик. У вас уже есть вопрос, который нельзя отложить до завтра?

— Есть. — Она услышала, как он подвинулся ближе — зашуршала галька под его ботинками. — Почему вы здесь? Почему океанолог, которая имеет контракты в лучших лабораториях мира, по собственной воле приезжает на этот Богом забытый вулканический остров в самый разгар сезона ураганов? Что вас сюда привело?

Алена задумалась. Она могла бы сказать правду — что она ищет подтверждение своей теории о циклических изменениях в биолюминесцентных бактериях на термальных источниках. Могла бы соврать — что просто любит путешествия. Могла бы отшутиться — что у неё нет выбора. Врать она умела — научилась за годы научных грантов и отчётности. Но почему-то врать именно этому человеку, сидящему рядом на тёплом камне, ей не хотелось. «Быть может, потому, — подумала она, — что он всё равно распознал бы ложь».

Она посмотрела на горизонт, где океан встречался с небом, и сказала:

— Я ищу... что-то. Что-то, чего не могу описать словами. Мой отец был моряком. Капитаном дальнего плавания. Он всегда говорил мне, что океан — это живой организм. Что вода помнит. — Она помолчала, подбирая слова. — Он ушёл в море, когда мне было пятнадцать. И не вернулся. Корабль пропал без вести. Без обломков, без сигналов бедствия. Он просто... исчез. Я думаю, что я всю жизнь ищу его. Или то, что он хотел мне сказать. Возможно, это звучит глупо для журналиста из «Кроникла».

Она ждала, что он засмеётся. Что скажет что-нибудь ироничное, обесценивающее, как все люди, которые не знают, что ответить на чужую боль. Но Джеймс молчал. А когда она наконец решилась посмотреть на него, он сидел неподвижно, глядя на воду, и лицо его было серьёзным — почти печальным. Вдруг он стал не похож на того беспечного насмешника, который распахнул её дверь. Перед ней сидел уставший человек с глазами, полными боли.

— Нет, Алена. Это не глупо. — Он помолчал, потом вытащил из кармана маленькую, искусно вырезанную из дерева фигурку. Акула. Чёрная, гладкая, отполированная до блеска. — Мой отец был военным репортёром. Он погиб где-то в Африке, пытаясь рассказать правду, которую некому было рассказывать. Мне было шестнадцать. Я тоже ищу его. Мы все ищем своих отцов — или их эхо. Каждый по-своему. Иногда я думаю, что моя работа — это просто способ искать его. Способ не дать себе забыть, что он был.

Он протянул ей фигурку, и Алена взяла её. Дерево было гладким и тёплым — как будто его долго держали в руках. Как будто в эту маленькую вещицу было вложено больше тепла, чем в иных людей.

— Держите. Это местный талисман. Акула — проводник между мирами. Говорят, она знает тайны, которые унесли с собой утонувшие души. — Он усмехнулся уголком губ. — А ещё говорят, что, если подержать её достаточно долго, она начинает приносить удачу тем, кто ищет. Не знаю, правда ли это. Но мне она правда помогала.

— Спасибо, — тихо сказала Алена. Она не знала, что ещё сказать. Она сжимала деревянную акулу в ладони, чувствуя её тепло, и где-то под рёбрами у неё что-то дрогнуло. Что-то, чему она не могла дать научного определения.

В этот момент из воды, прямо у её ног, выпрыгнула маленькая рыбка — вся переливающаяся всеми цветами радуги. Алена улыбнулась, протянула руку, чтобы коснуться воды — и вдруг почувствовала, как сильное, тёплое течение, исходящее откуда-то снизу, обнимает её ноги. Это было похоже на прикосновение гигантской, невидимой руки.

Она вскрикнула от неожиданности и отдёрнула ноги.

— Что это было?

Джеймс нахмурился. Он смотрел на воду, и лицо его было настороженным.

— Подводный источник, — сказал он, но в голосе не было полной уверенности. — Или Пеле просто решила показать, что она здесь. Добро пожаловать на Большой остров, Алена. Здесь никогда не бывает скучно.

Алена вздрогнула. Ей вдруг показалось, что за ней наблюдают. Она обернулась — но вокруг были только пальмы, тёмная вода и шелестящий ветер. И всё же ощущение чужого взгляда не проходило. Оно было тягучим, как патока, и пронизывало насквозь, словно какая-то древняя сила проверяла её на прочность. Она почувствовала, как волоски на руках встают дыбом, — и это был не ветер.

— Идём отсюда, — сказала она, резко поднимаясь. — У меня на самом деле много дел.

Джеймс не стал спорить. Он просто кивнул и повёл её обратно по той же тропинке. По пути он рассказывал ей о вулканах, о легендах, о том, как кофе растёт на склонах Мауна-Лоа, о том, почему местные не любят, когда трогают лаву, — лава приносит несчастья, каждый год на адрес вулканической лаборатории приходят посылки со всей планеты: люди возвращают камни, принёсшие им неудачу. Он говорил легко, непринуждённо, и его голос — низкий, чуть хриплый, с лёгкой насмешкой — казался успокаивающим, почти гипнотическим. Она слушала его и чувствовала, как стены, которые она так долго возводила вокруг себя, начинают давать трещины.

У выхода из бухты они остановились. Джеймс повернулся к ней, и солнце стояло у него за спиной, обводя его фигуру золотым контуром.

— Завтра в шесть утра, — сказал он. — У пирса. Я хочу показать вам кое-что, что вы не найдёте ни в одной научной статье. Это не туристическая ловушка. Обещаю.

— А если я не приду?

Он улыбнулся — той самой улыбкой, с обещанием.

— Придёте. Вы слишком любопытны, чтобы не прийти. Это одна из причин, почему вы хороший учёный.

И ушёл, не оглядываясь. Алена смотрела ему вслед, чувствуя, как солнце жжёт макушку, и сжимала в руке деревянную акулу, которая вдруг показалась ей тёплой, как живая.

Она вернулась в кондоминиум уже ближе к полудню, но вместо того чтобы лечь или открыть документы, вышла на пляж. Песок был горячим, белым, и вода у кромки была такой прозрачной, что виднелись даже мелкие камешки на дне. Она шла вдоль берега босиком, сжимая в руке сандалии, и думала о том, что это, наверное, первый раз за много лет, когда ей некуда спешить.

В кафе «Lava Java» — маленьком, с открытой верандой, выходящей прямо к воде, — она заказала фреш из папайи и села за столик у перил. Официантка, молодая гавайка с цветком в волосах, улыбнулась ей и сказала «алоха» — и Алена ответила тем же, и слово это уже не казалось ей чужим. Оно ложилось на язык легко, как будто она всегда его знала.

Она сидела, пила сок и смотрела на океан. Яхты покачивались у причала, чайки кричали, где-то играла гавайская гитара. Жизнь текла неторопливо, как тёплое масло. И Алена поймала себя на мысли, что давно не чувствовала себя такой живой. Такое с ней случалось редко — обычно только на борту исследовательского судна, когда впереди целый рейс, когда море обещает приключения. Но это было другое. Это было глубже. Это касалось не науки — её самой.

После обеда она всё-таки заставила себя открыть ноутбук. Нашла координаты станции, связалась с координатором — тем самым пожилым гавайцем в ожерелье из ракушек, которого звали Кахи. Он подтвердил, что катер действительно не выйдет: аккумулятор для гидроакустической станции нашёлся в ремонтной мастерской, но станцию отремонтируют только завтра к вечеру. «Так что сегодня можете отдыхать, доктор Снигерева, — сказал он голосом, в котором звучала улыбка. — Остров сам подскажет, что делать».

Алена повесила трубку и задумалась. «Остров сам подскажет». Это было так не похоже на институтскую дисциплину, к которой она привыкла. Но почему-то именно этой фразой Кахи снял последние остатки её сопротивления. Она всё же записала в блокнот три вещи: Джеймс знал про аккумулятор раньше, чем она успела позвонить; мастерская за рынком — единственное место на острове, куда вечерами привозят грузы не для туристов; отпечаток ладони на

наружном стекле. Она не знала, зачем ей эти три факта. Но опыт подсказывал: лишние факты — это лишние ответы, когда придёт время задать правильные вопросы.

Остаток дня она провела в солёной лени: плавала в океане, лежала на песке, смотрела, как туристы учатся стоять на досках для сёрфинга, и смеялась вместе со всеми, когда кто-то падал. К вечеру она вернулась в номер, приняла душ и, впервые с момента прилёта, не включила ноутбук.

Она стояла у окна, глядя на заходящее солнце. Небо пылало всеми оттенками красного и оранжевого, превращая океан в расплавленное золото. Где-то там, за горизонтом, уходило в воду солнце, и вода кипела цветом раскалённой лавы. Алена сжимала в руке деревянную акулу — подарок Джеймса — и чувствовала, как её тепло разливается по ладони.

Телефон зазвонил — резко, требовательно, вырвав её из задумчивости. Экран высветил незнакомый номер, и Алена, поколебавшись, ответила:

— Да?

— Алёна? — Голос профессора Лебедева звучал глухо, с помехами — межгород и океан вклинивались в трубку шорохом, как песок в механизм. — Это Лебедев. Как долетела? Как устроилась?

— Летела долго, — ответила она, удивлённая его звонком. Лебедев не звонил по пустякам. — Устроилась нормально. Вот, стою у окна, смотрю на закат.

— Закат — это хорошо. Закат — это хорошо, — повторил он, и в его голосе послышалась какая-то странная задумчивость. — Слушай, Алёна. Тут такое дело. Вчера в институт приходили какие-то люди. Спрашивали о тебе. О твоей командировке. Интересовались, что за данные ты собираешь, кто тебя встречает, где ты остановилась.

Алена нахмурилась. Ледяной червячок зашевелился под рёбрами.

— Какие люди?

— Не представились толком. Сказали — «международная научная координация». Показали какие-то удостоверения, я не разглядел. — Лебедев помолчал. — Я, конечно, ничего не сказал. Но ты будь осторожна. Ты там одна. Если что-то покажется странным — звони мне сразу, не раздумывая. Ты поняла?

— Поняла, — сказала она медленно.

— И ещё, — он замялся, и в трубке надолго повис шум. — Алёна, ты помнишь, твой отец писал мне письма перед последним рейсом? Я тебе говорил как-то, что он был чем-то обеспокоен?

Она помнила. Лебедев рассказывал ей это много лет назад, в случайном разговоре, коротко и как бы между прочим: капитан Снигерев перед отплытием из Хило звонил ему, говорил, что «нашёл то, что искали всю жизнь», и просил присмотреть за семьёй, «если что-то случится». Тогда Алена не придала этому значения. А теперь — теперь, стоя у окна над тёмнеющим океаном, она вдруг почувствовала, как волоски на руках встают дыбом. «Нашёл то, что искали всю жизнь». Пять слов, которые не укладывались в версию о случайном шторме. Пять слов, которые, если потянуть за них, могли вытащить наружу совсем другую историю.

— Помню, — ответила она.

— Ну, — Лебедев вздохнул. — В общем, если вспомнишь что-то ещё... держи меня в курсе. И будь осторожна, Алёна. Остров большой. Океан — больше. А правда — самая большая. Она не любит, когда её торопят.

Он отключился, не дождавшись ответа. Алена ещё долго стояла с телефоном в руке, глядя, как гаснет закат. Океан темнел, сливаясь с небом, и где-то там, в этой сине-чёрной глубине, лежал тот самый район, где в свой последний рейс ушла «Атлантик Роуз».

«Он был чем-то обеспокоен». «Нашёл то, что искал всю жизнь». «Присмотри за семьёй, если что-то случится». Слова отца, пересказанные голосом Лебедева, вдруг сложились в узор, который она не замечала все годы. И в центре этого узора была точка на карте — там, где

океан встречался с вулканом, где вода дышала жаром, где нашли её отца… или не нашли. Она открыла ноутбук, отыскала в отцовском фолианте страницу о Гавайских островах и долго смотрела на пометку на полях: «Проверить глубину». Рядом, карандашом, было выведено число — координата, которую она всегда считала случайной. Она вписала её в поисковую строку и замерла: точка лежала в тридцати милях к северу от Коны, на изломе подводного хребта, где карты глубин расходились на десятки метров. Сердце колотилось ровно, методично — так колотится у человека, который только что обнаружил первую настоящую улику в деле, которое считал закрытым.

Она посмотрела на деревянную акулу в своей руке. Чёрную, тёплую, с острыми плавниками. Проводник между мирами. «Она знает тайны, которые унесли с собой утонувшие души» — так сказал Джеймс. И впервые за долгое время Алена подумала: а вдруг это не просто слова?

Внизу, на тёмной воде, что-то блеснуло и погасло — как тогда, на Неве. Как будто океан мигнул ей. Она попыталась вернуться к работе. Открыла ноутбук, вытащила папку с документами, перечитала план погружений — тот самый, который, по словам Джеймса, провалился ещё до начала. Но слова плыли перед глазами. Она ловила себя на том, что смотрит не в документ, а в тёмное окно, и в отражении видит не себя, а его — янтарные глаза, выгоревшие волосы, улыбку с обещанием.

«Что ты делаешь, Алёна? — спросила она себя строго. — Ты серьёзный учёный. Ты приехала сюда за данными. А ведёшь себя как героиня дешёвого романа, которую приманил незнакомец с ракушкой в кармане».

Но вопрос этот прозвучал как-то неубедительно. Впервые за долгое время ей не хотелось быть серьёзным учёным. Ей хотелось — впервые за годы — быть просто женщиной, которая идёт за незнакомцем с ракушкой в кармане, потому что он обещал ей чудо.

Она не знала, что всё это значит. Но внутри неё, глубоко в душе, что-то неуловимо изменилось. Её научная экспедиция только начиналась — но она уже догадывалась, что на этом острове она найдёт не только ответы на свои научные вопросы. Нечто гораздо более важное и опасное. Часть себя, которую она давно потеряла. Или ту часть, которую она ещё ни разу не находила.

Телефон на столе коротко звякнул. Сообщение от Джеймса:

«Завтра в 6 утра. У пирса. Не опаздывай. У нас есть шанс увидеть чудо».

Она прочитала сообщение — и невольно улыбнулась. Она не знала, что за чудо он имеет в виду. Но почувствовала, как по телу пробежала волна предвкушения — сладкая, запретная, как вкус первого глотка вина после долгого поста.

«Какая же ты дура, Алёна, — подумала она. — Ты даже не знаешь этого человека. А он уже влез в твою голову».

Она знала, что это опасно. Знала, что не должна. Но предвкушение было сладким, как запретный плод. Она легла в кровать, не выключая света, и долго смотрела в потолок, слушая, как за окном дышит океан. Деревянная акула лежала на тумбочке у изголовья, и Алена заметила, что время от времени её взгляд сам собой возвращается к ней. К её чёрной, отполированной спине. К её острым плавникам.

А потом ему приснился ей снова — тот же берег, тот же чёрный песок, те же янтарные глаза. Он стоял по колено в воде и протягивал ей руку. И она шла к нему. И не боялась. Снег таял у неё на ладони, когда она касалась его лица, и он смеялся, и смех его был как шум прибоя.

«Алоха», — сказал он.

«Алоха», — ответила она.

И проснулась с улыбкой, которая не сходила с губ ещё долго после того, как рассвело. Было пять сорок. Она села на кровати, потянулась — и впервые за долгое время почувствовала в теле лёгкость, как будто кто-то развязал узел, который она носила годами.

Она оделась в лёгкое белое платье — то самое, которое взяла с собой почти случайно и которое теперь, стоя перед зеркалом, вдруг увидела другими глазами. Оно струилось по фигуре, открывая плечи и ключицы, и в нём она — как ни странно это было признавать — нравилась себе. Она заплела волосы в свободную косу, накинула на плечи лёгкую рубашку и, схватив деревянную акулу, вышла из номера.

В шесть ноль-ноль она стояла на пирсе, сжимая в руке деревянную акулу, и смотрела, как из утренней дымки выплывает силуэт катера. Свет был розовым и золотым, вода — гладкой, как зеркало, и в ней, как в зеркале, отражалось небо, удваивая его.

Пирс был пуст, только старый рыбацкий катер покачивался у причала. Алена подошла ближе. В кабине горел тёплый жёлтый свет, и за рулём стоял он.

Джеймс увидел её в то же мгновение, как она ступила на доски причала. Он оторвался от приборов, вышел на палубу и улыбнулся ей той самой улыбкой, от которой у неё подкашивались колени. Ветер трепал его волосы, и на миг ей показалось, что он — часть этого острова, его порождение, такое же древнее и свободное, как эти волны.

— Вы пришли, — сказал он, и в голосе его прозвучало удивление — настоящее, не наигранное. — Честно говоря, я не был уверен. Русские учёные обычно предпочитают досыпать.

— Мы предпочитаем работать, — парировала она, подходя ближе. — А то, что вы называете «чудом», должно быть действительно стоящим, чтобы ради него вставать в такую рань.

— Стоящим, — подтвердил он, протягивая ей кружку с дымящимся кофе. — Настоящий, кона. С молоком, без сахара. Я запомнил.

Она взяла кружку, и от неожиданности — что он запомнил — у неё потеплело в груди. Она сделала глоток. Кофе был обжигающим, терпким, с нотками шоколада и пряностей — и она почувствовала, как тепло разливается по телу, снимая последнюю утреннюю дрожь.

— Куда мы плывём? — спросила она, скрывая волнение за глотком.

Джеймс отвязал канат, запрыгнул в катер и протянул ей руку, помогая перебраться с причала на палубу. Его ладонь была тёплой, сухой, и её пальцы на секунду задержались в его пальцах — на секунду дольше, чем нужно. Это была улика иного рода — не та, что можно занести в протокол: её собственное сердце, как прибор, отреагировало на прикосновение раньше, чем мозг успел выдать разрешение.

— Есть одно место, — сказал он, заводя двигатель. — Оно не отмечено на картах. Даже местные рыбаки обходят его стороной. Говорят, там океан поёт. И если услышишь эту песню — она изменит тебя навсегда.

Алена села на корме, глядя, как причал удаляется. Двигатель зарокотал ровно, и катер, рассекая гладкую воду, взял курс на открытый океан. Утреннее солнце поднималось всё выше, золотя воду, и в этом золотом свете остров за их спинами казался сном — зелёной горой, дышащей паром.

Она смотрела на Джеймса. Он стоял за штурвалом, сосредоточенный, рука на руле, взгляд — вперёд, на бескрайнюю гладь. Ветер играл его волосами, и Алена поймала себя на том, что любуется им — тем, как он стоит, как держит курс, как принадлежит этому морю.

Океан ждал. И что-то в его тёмной, спокойной глади ждало их обоих. Что-то, что помнило её имя задолго до того, как она услышала его. Что-то, что никогда не забывает тех, кто носит в груди снежную розу.

Глава 2. Танец теней на воде

«В темноте океан становится зеркалом души. Он показывает то, что ты прячешь даже от себя. И если ты осмелишься заглянуть в его глубину — будь готова к тому, что отражение улыбнётся тебе в ответ. Иногда танцуют не тени — иногда тени танцуют тобой».

Катер уходил от причала, и Кона оставалась за кормой — уже не настоящая, а какая-то размытая, солнечно-пёстрая, как пятно на стекле. Алена стояла на носу, обхватив пальцы тёплой кружки, которую он сунул ей в руки ещё у пирса, и смотрела, как остров отступает, растворяется в дрожащем мареве. Ветер трепал выбившуюся прядь, соль ложилась на губы тонкой плёнкой, и утренний свет, ещё розовый у горизонта, уже набирал силу, превращая океан в расплавленное стекло.

Она пришла сюда за данными. За термальными источниками. За точными числами, которые лягут в отчёт и уйдут в архив. Вместо этого она стояла на катере незнакомца с янтарными глазами и плыла туда, где, по его словам, «океан поёт». Умом она понимала, что это безумие — запрыгнуть на чужое судно ни свет ни заря, довериться человеку, которого знает сутки. Но ум, её верный, выстраданный ум, молчал — как молчит компас вблизи магнитной скалы. Он просто не работал рядом с этим мужчиной.

Джеймс стоял за штурвалом, и взгляд его был устремлён вперёд, на бескрайнюю синеву. Утренний свет ложился на его лицо, на выгоревшие до белого волосы, на загорелые руки, сжимающие руль, — и Алена поймала себя на том, что разглядывает его с той пристальностью, с какой обычно изучала под микроскопом образец. Спокойная сила. Уверенность человека, который тысячу раз выходил в море. И под этой уверенностью — какая-то скрытая, струящаяся под кожей тайна, от которой у неё перехватывало дыхание. Она не спрашивала вслух — но отметила про себя, что руль он держит, как держат знакомый инструмент, и что кожу на ладонях ему обметало не репортёрское перо. Профессия, если она была у него, шла из моря. Это была улика, которую она убрала в ящик, — не пугаясь, а наоборот, с интересом, как всегда интересовалась тем, что не сходится.

— Ты боишься, — сказал он, не оборачиваясь, и в голосе его не было вопроса.

— Я учёный, — ответила она, — я не боюсь. Я анализирую.

Он усмехнулся — уголком губ, не поворачивая головы.

— Значит, анализируй, что я делаю не так. Ты первая женщина, которую я везу ночным маршрутом к светящейся воде. Оценка безопасности — за тобой.

Алена молчала, вслушиваясь. В его голосе сквозила та же двойственность, что и на пирсе: лёгкость, прикрывающая сталь. Но что-то в том, как он вёл судно, как читал воду, как различал глубины по изменению цвета, выдавало в нём человека, для которого океан был домом, а не ремеслом. Она не могла сопоставить это с той карточкой корреспондента «Сан-Франциско Кроникл», которую он ненавязчиво показывал. Журналисты не знают море так, как знал его он.

Катер плавно сбавил ход. Джеймс заглушил двигатель, и внезапная тишина упала на воду, как пелена. Вдалеке, у горизонта, ещё виднелась огненная точка — лавовый поток, стекающий с какого-то склона прямо в океан, — и от неё по воде шло дрожащее оранжевое свечение, смешиваясь с восточной зарёй. Остров жил. Остров дышал огнём, водой и ветром.

— Мы на месте, — сказал он тихо. — Слушай. И смотри под ноги.

И тогда она поняла, зачем он привёл её сюда. Не за добычей. Не за данными. За тем, что невозможно описать в отчёте.

Вода вокруг катера начала светиться.

Сначала — едва заметно, тонкой голубой парчой вдоль борта. Потом сильнее, глубже: миллионы крошечных точек вспыхивали и гасли в толще, как будто кто-то рассыпал по морю

звёздную пыль. Свечение поднималось из глубины, пульсировало в такт — то ли волнам, то ли чему-то ещё, живому, что дышало там, внизу. Синие, зелёные, фиолетовые искры сплетались в узоры, которых не мог создать случай. Океан разговаривал с ней на языке света. Алена смотрела на эту живую парчу и чувствовала, как под кожей, ровно и глубоко, зачинается трепет — не научный, не профессиональный, а тот первобытный, от которого пересыхает во рту и хочется молчать.

— Расскажи мне о своём отце, — неожиданно попросил Джеймс, не оборачиваясь.

Алена вздрогнула от неожиданности.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты думаешь о нём. — Он повернул голову, и его глаза в темноте казались почти чёрными. — Ты сжимаешь в кармане ту фигурку, которую я тебе дал, как будто это его рука. И ты смотришь на воду так, будто ждёшь, что он вынырнет из неё. Я не психолог, Алена. Я просто умею читать людей.

Она хотела возразить, но поняла, что он прав. Она действительно сжимала фигурку, и пальцы её онемели от напряжения. Она разжала руку, делая глубокий вдох. Она не спросила, как он заметил движение руки в кармане в полной темноте, за штурвалом, — но запомнила и это. Он смотрел не на воду и не на приборы. Он смотрел на неё — краем глаза, постоянно, как сторожевой.

— Мой отец был капитаном, — начала она, глядя на воду. — Он ушёл в свой последний рейс, когда мне было пятнадцать. Судно пропало без вести где-то в Тихом океане. Никаких обломков, никаких сигналов бедствия. Просто исчез, словно его проглотила бездна. Я всегда считала, что это была случайность. Шторм, ошибка навигации, всё что угодно. Но когда я стала изучать океан, я поняла, что случайностей почти не бывает. Есть закономерности, которые мы пока не умеем объяснять. И я хочу их понять.

Джеймс молчал. Алена подумала, что он, возможно, пожалел о своём вопросе, но когда она подняла глаза, он смотрел на неё с таким выражением, которое она не могла расшифровать — смесь восхищения, грусти и ещё чего-то тёмного, запретного.

— Я тоже ищу своего отца, — тихо сказал он. — Он был военным репортёром. Исчез во время гражданской войны в одной из африканских стран. Официальная версия — попал под перекрёстный огонь. Но я нашёл его дневник. Там были записи о том, что он расследовал что-то, связанное с океанскими течениями и затонувшими кораблями. Он писал о «голосах» из глубины. Я думал — он сошёл с ума. Теперь… я не уверен.

Алена почувствовала, как холодок пробежал по её спине. Слишком много совпадений. Два исчезновения. Две тайны. И оба связаны с океаном. Она хотела спросить подробнее, но он уже заглушил двигатель, и судно покачивалось посреди светящейся воды.

— Это биолюминесценция, — тихо сказал он. — Но не та, что мы видим у поверхности. Это другое. Глубинные бактерии, которые живут на термальных источниках. Свет — это их способ общаться, привлекать партнёров или отпугивать хищников. Или… — он помолчал, — это что-то другое.

Он протянул ей руку, помогая встать.

— Хочешь увидеть это вблизи?

Алена заколебалась. Вода была тёмной, и она не знала, что скрывается в её глубине. Но свет был таким завораживающим, а рука Джеймса такой тёплой и надёжной, что она кивнула, снимая сандалии и спуская ноги в воду. Вода была прохладной, но не холодной, и светящийся планктон вспыхивал у её ног, словно рассыпанные по воде звёзды.

Джеймс спустился за ней, и они вместе стояли по колено в светящейся воде. Он держал её за руку, и Алена чувствовала, как его пульс бьётся в унисон с её собственным. Он был так близко, что она слышала его дыхание, чувствовала запах его кожи — смесь солёного ветра,

кофе и чего-то тёплого, древесного. И в темноте, среди светящегося планктона, это была самая интимная близость, какую она помнила за многие годы.

Светящийся планктон вспыхивал у их ног мягкими синими и зелёными искрами, и Алена чувствовала, как тепло разливается по телу — от рук, от его близости, от опасности, от красоты этого мгновения. Ей вдруг показалось, что океан знает их, что он ждал этого — ждал, пока эти двое встанут в его воду, плечом к плечу, и будут смотреть друг на друга, как будто всё на свете сошлось в этом месте, в эту секунду.

— Ты не боишься? — спросил он, поворачивая её к себе лицом.

— Боюсь, — честно призналась она. — Но это приятный страх.

Он улыбнулся — той улыбкой, которая, казалось, освещала всё вокруг ярче, чем светящийся планктон. Он поднял руку и коснулся её щеки, кончиками пальцев прослеживая линию скулы, спускаясь к шее. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым, но вызывало электрический разряд, который разлился по всему её телу. Алена почувствовала, как её кожа покрывается мурашками — и не от прохлады воды.

— У тебя холодные руки, — прошептала она, но голос выдал совсем не то, что она хотела сказать. В нём было не удивление — восхищение.

— Я северный человек, — ответил он, и его пальцы скользнули по её шее, к ключице, где останавливались, очерчивая линию. — Как и ты. Но тёплая вода всегда рядом. Не успеешь оглянуться — как согреешься.

Он говорил о воде, но она понимала, что он не о воде. И тепло это — то, о котором он говорил, — она чувствовала уже сейчас, в самой глубине себя. Оно поднималось снизу, из живота, разливалось по груди, щекотало горло. Ей было жарко даже в холодной воде.

— Я хочу тебя поцеловать, — сказал он, и его голос был низким, хрипловатым, пробирающим до мурашек. — Но я хочу, чтобы ты сама этого захотела.

Алена подняла на него глаза. В его янтарном взгляде она видела отражение света и собственное лицо. Она чувствовала, как её сердце бьётся быстро-быстро, как в груди разливается тепло, которого она не испытывала уже много лет. Она хотела. Она хотела, чтобы его губы коснулись её губ, чтобы он утопил её в этом океане страсти и забвения. Но страх — старый, привычный страх — всё ещё держал её. Страх, что она растает. Что она потеряет контроль. Что она станет слабой. Что она позволит кому-то увидеть ту часть себя, которую она спрятала так глубоко, что уже сама забыла, как она выглядит.

— Джеймс… — начала она, но он не дал ей договорить.

Он наклонился, и его губы — мягкие, тёплые, чуть солоноватые от морской воды — коснулись её губ. Это был нежный, почти целомудренный поцелуй, но он обжёг её, как вспышка лавы. Она почувствовала, как мир вокруг неё исчез — исчез океан, звёзды, светящийся планктон. Остались только его губы, его руки на её талии, его дыхание, смешанное с её дыханием. Она закрыла глаза и позволила себе утонуть.

Он не углублял поцелуй. Он держал его на грани — нежно, осторожно, как будто боялся спугнуть. Его пальцы скользнули по её затылку, заправили выбившуюся прядь за ухо, и Алена почувствовала, как по позвоночнику пробегает дрожь — сладкая, томительная, как начало чего-то большого. Она ответила ему — чуть приоткрыла губы, и он принял это как согласие. Поцелуй стал глубже, но всё равно оставался бережным, как будто он целовал не женщину, а снежинку, которая могла растаять от лишнего дыхания.

И в этот момент она почувствовала, как из глубины поднимается что-то огромное, тёмное, мощное. Вода под ними всколыхнулась, и по поверхности пробежала дрожь. Алена отстранилась, испуганно глядя вниз, но там, кроме светящегося планктона, ничего не было. Только глубина — тёмная, бездонная, дышащая.

— Ты чувствуешь? — прошептал Джеймс, и в его голосе послышалось что-то похожее на трепет. — Океан… он живой. Он наблюдает за нами.

Алена хотела рассмеяться, сказать, что это просто иррациональный страх, но она не могла. Потому что она действительно чувствовала чей-то взгляд. Тяжёлый, изучающий, почти физически ощутимый. И в этом взгляде не было угрозы — только ожидание. Как будто океан ждал от них чего-то. Как будто то, что только что произошло между ними, было частью какого-то древнего ритуала.

— Нам нужно вернуться, — сказала она, пытаясь сохранить спокойствие. — Я не могу… я не готова к этому.

Джеймс не стал спорить. Он только кивнул и помог ей подняться на борт. Весь обратный путь они молчали, но их руки всё ещё были переплетены. Алена смотрела на тёмную воду и думала о том, что только что произошло. О поцелуе. О дрожи в воде. О взгляде, который она чувствовала кожей. И о том, что ждёт её впереди.

Когда катер причалил к пирсу, уже начинало светать. Небо на востоке розовело, предвещая новый день. Джеймс помог ей выйти на берег и, не отпуская её руки, сказал:

— Ты не готова сейчас. Но ты будешь готова. Я подожду.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, глядя на него.

— Потому что я чувствую тебя, — ответил он, проводя пальцем по её губам. — Так же, как океан чувствует луну. Это неизбежно.

Она не ответила. Просто кивнула и пошла к кондоминиуму, чувствуя на себе его взгляд. Уже на пороге она оглянулась — он всё ещё стоял на пирсе, и в его руке светилась та же деревянная акула, которую он подарил ей.

Алена похолодела.

Она сунула руку в карман — фигурка лежала там, тёплая, на месте. Она сжала её, чувствуя пальцами гладкое дерево, и снова посмотрела на пирс. Джеймс стоял в свете восходящего солнца, и в его руке действительно была деревянная акула — точно такая же, как та, что лежала у неё в кармане.

«Зачем ему две?» — мелькнула мысль. Но она отогнала её, решив, что это просто совпадение. У него могла быть такая же фигурка. Мало ли. Она зашла в номер, закрыла дверь и прислонилась к стене, пытаясь унять дрожь. Её губы всё ещё горели от поцелуя. А в голове, как навязчивая мелодия, звучал его голос: «Это неизбежно». И где-то на самом дне сознания, под этим голосом, лежала маленькая, неудобная, как песчинка, мысль: если у него была вторая фигурка, значит, та, что лежит в её кармане, — не его подарок. Или их две. Или их больше. Она хотела не думать об этом — и всё же думала, потому что не умела иначе.

По дороге обратно в кондоминиум она остановилась у кафе «Lava Java» — того самого, что выходило верандой прямо к воде. Утреннее солнце уже поднялось над океаном, и вода блестела, как расплавленное стекло. Она заказала второй кофе — просто чтобы посидеть, прийти в себя, разобрать ощущения, которые клубились внутри, как тёплый туман.

Она села за столик, поставила перед собой кружку и положила руки на столешницу. Пальцы ещё хранили память о его ладони. Губы ещё горели. И в этом тепле было что-то такое, чего она не испытывала очень давно — может, никогда. Она чувствовала себя так, будто весь её ледяной, аккуратно выстроенный мир наклонился, и что-то тяжёлое, тёплое, живое покатилось по нему вниз.

— Алоха!

Она подняла голову. За соседним столиком сидел Кахи — тот самый пожилой гаваец, который встречал её в аэропорту с табличкой. Он пил чай из глиняной кружки и смотрел на неё с той же мягкой, всезнающей улыбкой, от которой ей почему-то было и тепло, и немного не по себе. Ожерелье из ракушек по-прежнему висело у него на шее — Алена готова была поклясться, что оно у него вообще никогда не снимается.

— Доброе утро, Кахи, — сказала она, улыбнувшись в ответ. — Вы рано.

— Старики рано встают, — ответил он, отхлёбывая чай. — Молодые вообще не спят. А вы, доктор Снигерева, выглядите так, будто вообще не ложились.

Она смутилась — слишком точно он попал. Но вместо того чтобы отшутиться, она вдруг спросила:

— Кахи, вы верите, что океан… живой? Что он помнит людей?

Он посмотрел на неё поверх кружки. Глаза у него были тёмные, глубокие, и в них, как в старой воде, угадывалась такая глубина, какой не бывает у молодых.

— Живой, — сказал он просто. — Мой дед говорил, что океан — это большое сердце, которое бьётся под водой. Он помнит всех, кто в него входил. Помнит их имена, их лица, их песни. И тех, кто утонул, он не отпускает. Он держит их тепло.

— А если кто-то просто… исчез? — спросила Алена. — Корабль пропал. Без следов. Люди думают — может, он никогда туда не доходил.

Кахи поставил кружку на стол и посмотрел на океан.

— Океан ничего не выбрасывает, — сказал он. — Если человек ушёл в воду — вода его держит. Иногда на дне, иногда в памяти. Но он не исчезает. Просто ждёт, пока его найдут.

Он перевёл взгляд на неё, и его улыбка стала чуть грустной.

— Вы, наверное, ищете своего отца, доктор Снигерева.

Алена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Откуда вы…

— Просто знаю, — перебил он мягко. — Такие вещи видно. Когда человек ищет в океане не данные, а кого-то — это видно по глазам. — Он помолчал, потом добавил: — Я работаю в этой станции двадцать лет. Я видел, как сюда приезжали учёные. Хорошие, умные. Они искали бактерии, течения, минералы. Но вы — вы ищете другое. И океан это чувствует. Он открывает таким людям то, что прячет от остальных. Только будьте осторожны: всё, что он открывает, имеет цену.

Он поднялся, допил чай и положил на стол несколько купюр. Перед тем как уйти, он остановился.

— Катер сегодня всё равно не выйдет, — сказал он. — Так что не спешите. Погуляйте. Послушайте. Остров сам скажет, когда будет время. — Он улыбнулся. — А если захотите настоящего кофе — заходите ко мне в лабораторию. Там варит машина, которую я сам собрал. Лучше не пробовали.

Он ушёл, а Алена осталась сидеть, глядя на океан. Кофе остывал в кружке, но ей было всё равно. Она думала о том, что сказал Кахи: «Океан ничего не выбрасывает». И о деревянной акуле со снежной розой на боку — о проводнике между мирами, который лежал у неё в кармане, тёплый, как живой. Она внезапно почувствовала, что этот остров не случайно выбрал её. И что всё, что здесь происходит, — не случайно. Просто цепочка, которую пока не видно целиком.

После обеда она заставила себя открыть ноутбук. Нашла станцию, связалась с координатором. Утвердила список оборудования для завтрашнего погружения: акваланги, баллоны, маски с диоптриями, подводные фонари и камеры. Всё было стандартно, всё было знакомо — и в этом знакомстве она искала спасение от того, что клубилось внутри неё.

Она разложила на столе карты глубин. Район исследований — термальные поля примерно в десяти милях от побережья. Она провела пальцем по карте, изучая рельеф дна, и вдруг заметила то, чего не замечала раньше: в самой середине поля, на глубине около сорока метров, рельеф образовывал странную аномалию — резкое изменение, похожее не на естественный разлом, а на правильные очертания. Как будто на дне лежало что-то рукотворное. Она прищурилась, приблизила карту. Контуры напоминали силуэт корабля — длинный, узкий корпус, изогнутая носовая часть.

Сердце забилось быстрее. Она заставила себя дышать ровно. Это могло быть что угодно — старый каркас, затонувшая баржа, даже просто игра света и грунтовых волн. Она наложила сетку координат и сверила с данными порта Хило. То, что она увидела, заставило её похолодеть: координаты аномалии почти точно совпадали с последним сигналом «Атлантик Роуз» — корабля её отца, зафиксированным двадцать три года назад.

Она долго сидела неподвижно, глядя на экран. Потом закрыла ноутбук, встала и подошла к окну. Океан был синим, спокойным, бесконечным. Где-то там, на глубине сорока метров, лежал корабль. И она знала — с той самой уверенностью, которая не требует доказательств, — что завтра она пойдёт туда.

В четыре часа она позвонила в лабораторию и попросила Кахи показать ей станцию. Он встретил её у входа — одноэтажного здания, которое больше напоминало бунгало, чем научный центр, но внутри оказалось светлым, чистым и пахло озоном и реактивами. Кахи провёл её по коридору, мимо карт глубин и фотографий подводных ландшафтов, и показал комнату, где хранилось оборудование для погружений: аквалангi, баллоны с воздухом, гидрокостюмы, маски, фонари, подводные камеры.

— Всё проверено, — сказал он, поглаживая баллон. — Но вы, я вижу, всё равно перепроверите.

Алена улыбнулась и действительно принялась проверять: продувку, давление, ремни, клапаны. Это была её работа, её ритуал, её медитация. В этих механических, точных движениях был покой, которого не было в разговорах с Джеймсом.

— Вы завтра идёте на глубину? — спросил Кахи, стоя в дверях и наблюдая за ней.

— Да, — ответила она, не оборачиваясь. — В район термальных полей.

Он помолчал, потом сказал тихо:

— Там, где вы собираетесь погружаться… местные рыбаки не ходят. Течения опасные, и рыба туда не заходит. Говорят, там слишком тихо. Как будто вода спит. — Он сделал паузу. — Но если вы решили — я не буду вас отговаривать. Океан сам решает, кого пускать. А вам он, кажется, уже открыл дверь.

Алена обернулась, удивлённая его словами. Но Кахи уже улыбался своей мягкой улыбкой и жестом приглашал её в комнату с чайником.

— А теперь попробуйте мой кофе, — сказал он. — Обещал же.

Они сидели на маленькой кухне при лаборатории, пили настоящий кона-кофе из глиняных кружек и смотрели, как за окном садится солнце. Кахи рассказывал ей об острове: о богине Пеле, которая живёт в кратере Килауэа и в ярости превращается в старуху, о том, почему нельзя уносить с собой куски лавы, о легенде про «снежную розу» — цветок, который, по преданию, растёт только на Большом острове, выше линии облаков, где вулканический пепел смешивается со снегом.

— Снежная роза, — повторила Алена, и сердце её дрогнуло. — А вы когда-нибудь видели её?

— Никто её не видел, — ответил Кахи, помешивая кофе. — Потому что она цветёт не для всех. Только для тех, у кого есть дар видеть то, что скрыто. Мой дед говорил, что тот, кто найдёт снежную розу, найдёт и своё сердце. Или потеряет его навсегда. — Он посмотрел на неё с той же всезнающей мягкостью. — А вы, доктор Снигерева, похоже, уже на полпути.

Алена допила кофе и поблагодарила его. Она вышла на улицу, когда солнце уже касалось горизонта, и океан горел золотом. Она постояла, глядя на воду, и снова ощутила тот странный трепет — как будто океан поднял на неё глаза.

Вечером она снова вышла на пирс. Просто так — воздух был тёплым, звёзды — крупными, и ей не хотелось сидеть в номере. Она села на край пирса, свесив ноги над водой, и смотрела, как лунная дорожка бежит по океану, разбиваясь о волны.

Мысли о нём не уходили. Она прокручивала в голове поцелуй — раз, другой, третий. Тепло его губ, солёный привкус, силу его ладони, лежащей на её спине. Она чувствовала, как кровь теплеет, как что-то сжимается внутри, как она краснеет в темноте, как девочка. «Ты ведёшь себя нелепо», — сказала она себе вслух. Но голос прозвучал как-то неубедительно даже для неё самой.

«Это неизбежно», — эхом отозвалась луна.

Она легла спать поздно. И во сне снова пришёл он — стоял в воде по колено, с деревянной акулой в руке, и смотрел на неё янтарными глазами. Он молчал. Просто ждал. И она шла к нему — через тёплую, светящуюся воду, через ночь, через все свои страхи. Шла, и не боялась.

Проснулась она от света — яркого, белого, льющегося в окно. Солнце стояло уже высоко. Она села на кровати, чувствуя странную лёгкость, и сразу посмотрела на тумбочку. Деревянная акула лежала на месте. Она взяла её, провела пальцем по вырезанной розе — и улыбнулась, сама не зная почему.

За окном ждал океан. И завтра — завтра она пойдёт на дно, туда, где лежит её прошлое. А пока — пока у неё был этот день: тёплый, солнечный, полный ожидания. Она оделась, вышла на балкон и сделала глубокий вдох. Где-то впереди, за сверкающей водой, ждала правда. И она была готова идти ей навстречу. Но прежде чем идти навстречу правде, она должна была справиться с тем, что клубилось внутри неё, — с этим новым, неизведанным чувством, которое росло и не помещалось в привычные рамки. И она поняла, что это не страх. Это было предвкушение. Как перед погружением в глубину, когда стоишь на борту, смотришь на тёмную воду и знаешь — там, внизу, тебя ждёт что-то, что изменит тебя навсегда.

Она оделась и, вместо того чтобы остаться в номере, спустилась к воде. Села на песок, глядя на океан, и попыталась разобраться в себе. Она была учёным. Она привыкла к логике, к порядку, к контролю. Но всё, что происходило с ней с момента приезда, не подчинялось никакой логике. Поцелуй. Светящаяся вода. Дрожь в глубине. Деревянная акула со снежной розой. Загадочный журналист, который знал о ней больше, чем она сама. Совпадение? Слишком много совпадений. Или — как она всегда говорила — случайностей почти не бывает.

Она смотрела на воду и думала об отце. Об «Атлантик Роуз». О том, что завтра, возможно, она увидит его корабль — ржавый, обросший водорослями, лежащий на дне. Она боялась этого. И в то же время жаждала. Какая-то часть её, та самая, что всю жизнь искала ответы, тянулась к этой встрече, как цветок к солнцу.

Она подняла с песка маленькую белую ракушку — такую же гладкую, как та, что дал ей Джеймс, — и сжала её в ладони. Потом встала, отряхнула песок и пошла обратно в номер. У неё был план. И завтра она начнёт его выполнять.

На следующее утро она стояла на пирсе в шесть утра — собранная, серьёзная, в гидрокостюме, поверх которого был надет пояс с грузами. Рядом с ней стоял Ноа — молодой водолаз, которого прислал Кахи. Он был коренастым, с кожей цвета тёмной бронзы и спокойными глазами, и держался с той уверенностью, которая приходит только от опыта. Оборудование они проверили вдвоём — молча, быстро, деловито.

— Течение на дне слабое, — сказал Ноа, проверяя клапан. — Видимость хорошая. Но в районе аномалии вода ведёт себя странно. Я туда не хожу. Даже рыбаки не ходят.

— А я пойду, — ответила Алена, и в голосе её не было сомнений.

Ноа посмотрел на неё долгим взглядом, потом кивнул.

— Тогда я иду с вами. До аномалии. Дальше — сами.

Они вышли в море на катере, который пригнал Кахи. Солнце только вставало, и вода была гладкой, как зеркало. Алена стояла на носу, глядя вперёд, и чувствовала, как сердце бьётся ровно и сильно. Она была готова. Что бы ни ждало её на дне — она была готова. Океан звал её. И она шла.

Минут через двадцать катер замедлил ход. Ноа заглушил двигатель, и они закачались на лёгкой зыби. Алена посмотрела на эхолот: сорок метров. Ровно внизу, под килем.

— Здесь, — сказал Ноа, и в его голосе послышалось что-то похожее на неохоту. — Я предупреждал: дальше не пойду. Жду вас здесь, наверху. Если через сорок минут не вынырнете — у меня есть якорь и телефон береговой охраны.

Алена кивнула, не отводя взгляда от тёмной воды. Она надела маску, проверила подачу воздуха, закрепила на поясе фонарь и камеру. Пальцы работали привычно, точно, хотя сердце колотилось, как у пойманной птицы. Она перехватила последний взгляд Ноа — странный, долгий, с каким-то чуть ли не сочувственным выражением.

— Сноу, — сказал он вдруг на местном наречии, и Алена не поняла, что это значит. Потом он пояснил по-английски: — Это место. Когда-то давно здесь утонул корабль. Старики говорят — он приходил сюда не случайно. Он нёс на дно то, что не должно было подняться. — Он помолчал. — Алоха, доктор.

— Алоха, — ответила она.

И шагнула за борт.

Вода приняла её мягко, как принимает мать. Алена выровняла дыхание, сделала контрольное погружение на глубину пары метров, проверила компенсатор — всё было в порядке. Потом начала опускаться. Солнечный свет ещё пронизывал толщу, но чем глубже она шла, тем темнее становилось вокруг. Синева сгущалась, как чернила, разведённые водой. На глубине двадцати метров она включила фонарь, и его луч выхватил из тьмы серые силуэты кораллов, покачивающиеся водоросли, тёмные расселины дна.

На глубине тридцати метров она увидела его. Сначала — неясное тёмное пятно, потом — очертания, потом — корпус. Он лежал на боку, полузасыпанный песком, обросший сеткой водорослей и ракушек. Ржавый, древний, величественный. На борту, там, где краска ещё держалась, угадывались буквы. Алена подплыла ближе. Луч фонаря выхватил их из тьмы, и сердце её остановилось, а потом забилось снова — с такой силой, что зашумело в ушах.

«Атлантик Роуз».

Она замерла, зависнув в воде, и смотрела на эти буквы, пока у неё не защипало глаза. Двадцать три года. Двадцать три года она ждала этого мгновения. Корабль её отца. Корабль, который унёс его в бездну. Он был здесь. Всё это время он был здесь.

Она медленно поплыла вдоль корпуса, ведя рукой по обросшей обшивке. Где-то в середине, там, где когда-то был, наверное, вход в трюм, зиял тёмный проём. Луч фонаря ушёл внутрь, и Алена, помедлив лишь секунду, поплыла туда.

Трюм был почти пуст. На дне, присыпанный песком и илом, лежал продолговатый предмет, закутанный в истлевшую ткань. Алена подплыла к нему, опустилась на колени в мягкий ил и осторожно развернула ткань. Внутри оказался кристалл размером с ладонь. Он был тёплым — не от глубинного тепла, а какой-то своей, внутренней теплотой, — и переливался всеми оттенками золота и изумруда. От него исходило мягкое свечение, которое в этой темноте выглядело чудом.

Алена взяла его в руки. И в тот же миг её пронзила вспышка — короткая, ослепительная, как удар молнии. На мгновение она увидела лицо отца — улыбающегося ей сквозь толщу воды, живое, настоящее, — и услышала его голос, низкий, спокойный, каким он был при жизни:

«Ты нашла меня, дочка. Теперь беги».

Она очнулась от того, что у неё стучало в висках, а маска запотела. Кристалл лежал у неё в ладони, тёплый, пульсирующий, как сердце. Алена сжала его, сделала глубокий вдох из регулятора и стала подниматься — медленно, останавливаясь на каждой остановке декомпрессии, потому что инстинкт учёного не позволял ей забыть о безопасности даже в этот миг.

Она вынырнула рядом с катером. Ноа подал ей руку, помог забраться на борт. Алена сняла маску, откинула капюшон и посмотрела на кристалл, который сжимала в руке. Он светился даже под солнцем — мягко, золотисто, как будто внутри него горел маленький огонь.

— Это принадлежало моему отцу, — сказала она, и голос её дрогнул. — Это его корабль. Он был там. Все эти годы он был там.

Ноа не сказал ничего. Он только смотрел на кристалл долгим, странным взглядом, и в глазах его было что-то — узнавание, или предчувствие, или древнее знание, которому не нужно слов.

Они вернулись в Кону молча. На причале Алену ждал Кахи — он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел, как катер швартуется. Когда Алена сошла на пирс, он подошёл к ней и посмотрел на кристалл, который она держала в руке. В его тёмных глазах мелькнуло что-то — он быстро отвернулся, но Алена успела заметить: он не удивлён.

— Вы знали, что он там, — сказала она тихо.

Кахи помолчал, потом ответил:

— Все в этой бухте знают, что там лежит «Атлантик Роуз», доктор. Вопрос был не в том, где она. Вопрос — кто осмелится до неё дойти. — Он поднял на неё глаза, и в них было уважение. — Сегодня осмелились вы.

Она сжала кристалл в ладони. И почувствовала, как он пульсирует в такт её сердцу.

В её кармане, рядом с деревянной акулой, по-прежнему лежал сухой лепесток «снежной розы». И только вечером, дома, разворачивая его, она заметила то, чего не замечала раньше: лепесток стал тёплым. И от него пахло океаном.

Алена стояла у окна, сжимая в одной руке кристалл, в другой — лепесток снежной розы, и смотрела на тёмную воду. Океан ждал. И что-то подсказывало ей: это только начало.

«Теперь беги», — сказал отец.

Но бежать было некуда. Она уже была здесь. И она не собиралась отступать.

Глава 3. Соль на губах

«В глубине океана нет лжи. Там всё настоящее — даже то, что мы хотим забыть. Но когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит в тебя, и она уже знает твоё имя. Она знала его задолго до твоего рождения. Она ждала тебя все эти годы, и соль на твоих губах — это её поцелуй, её напоминание о том, что ты принадлежишь ей».

Алена проснулась с таким ощущением, будто её тело кто-то выжал, как мокрую тряпку. Мысли о вчерашнем дне — о погружении, о корабле на дне, о кристалле, о поцелуе на светящейся воде — не давали покоя, крутились в голове, как льдины в полынье. Она перевернулась на другой бок, пытаясь поймать ускользающий сон, но в голове звучал его голос: «Я чувствую тебя. Это неизбежно». И голос отца: «Теперь беги». Два голоса — живой и мёртвый — переплетались, как две струи одной реки, и оба вели её куда-то, где она ещё не была.

Вздохнув, она встала и направилась в душ, надеясь, что холодная вода смоет наваждение. Но лёгкая дрожь, пробегавшая по коже, когда она вспоминала его прикосновение, осталась. Она провела пальцами по губам — они всё ещё хранили тепло его губ. На коже, там, где он касался её шеи, ей всё ещё чудился след — невидимый, но явственный, как будто океанская соль отпечаталась на ней и не желала смываться.

«Научная экспедиция, Алёна. Ты здесь для работы, — сказала она своему отражению в зеркале. — А не для того, чтобы таять в объятиях незнакомого журналиста, который пахнет морем и опасностью». Но отражение лишь усмехнулось в ответ — её глаза блестели тем самым предвкушением, которое она так старалась подавить. Отражение знало правду. Отражение всегда знало правду — оно не умело врать, в отличие от неё.

Она оделась в лёгкие брюки цвета хаки и свободную белую блузу, накинула поверх тонкий кардиган — для неё уже стало привычным защищаться от солнца, которое здесь было совсем не петербургским. Затем она засунула в рюкзак ноутбук, блокнот и, помедлив, деревянную фигурку акулы. Ещё помедлив — положила рядом кристалл, обёрнутый в шёлковый платок. Она была учёным: найденный минерал нужно было изучить. Найти его происхождение, состав, свойства. А ещё — понять, почему он пульсирует теплом, как живое сердце, и почему ей кажется, что он узнал её. И почему вчера, стоило ей взять его в руки, она услышала голос отца. Она не верила в чудеса — она верила в данные. Но данные вчера вели себя так, будто их писал кто-то очень старый и очень терпеливый.

Она застегнула рюкзак, повесила на плечо и, уже у двери, остановилась. Вернулась, открыла рюкзак и вытащила из бокового кармана сухой лепесток «снежной розы», который носила с собой с самого Петербурга. Она подержала его на ладони. Он был тёплым — не от тепла руки, а какой-то своей, внутренней теплотой, как будто за эти дни он впитал в себя жару острова и ожил. Она сунула его в карман брюк, рядом с деревянной акулой, и вышла.

Лаборатория располагалась на окраине Коны, в одноэтажном здании, которое больше напоминало бунгало, чем научный центр. Но внутри было чисто, светло и пахло озоном и реактивами — этот запах был таким привычным, что Алена сразу выдохнула. Здесь был её мир. Мир пробирок, микроскопов, точных чисел. Мир, в котором не было места ни кристаллам, светящимся, как живые, ни голосам из глубины, ни мужчинам с янтарными глазами.

Алену встретили Кира и Малиа — две молодые гавайские лаборантки, энергичные, с живыми глазами и цветами в волосах, которые сразу же начали засыпать её вопросами о методиках: как она отбирает пробы, каким софтом пользуется для обработки данных, сколько времени занимает анализ биолюминесцентных культур. Алена отвечала рассеянно, привычно, одной частью сознания следя за тем, чтобы не выдать своего волнения, а другой — думая о кристалле, лежащем в рюкзаке. Она чувствовала его тепло даже сквозь ткань — как будто он звал её, как будто ему не нравилось быть запертым в темноте.

Кахи вышел из подсобки с чашкой кофе и, увидев её, улыбнулся своей мягкой улыбкой.

— Доктор Снигерева! А я думал, вы ещё отдыхаете после вчерашнего погружения. — Он поставил кофе на стол и понизил голос: — Ноа рассказал мне, что вы нашли. Корабль. И то, что вы оттуда привезли.

Алена почувствовала, как кровь приливает к щекам. Кожа у неё была светлой, северной, и румянец на ней был предательски заметен — как позорное пятно.

— Я хотела изучить это в лаборатории, — сказала она осторожно. — Если вы не против.

Кахи оглянулся на девушек — те увлечённо раскладывали пробирки на соседнем столе, делая вид, что не слушают, — и кивнул.

— Идёмте. У нас есть спектроанализатор. Правда, старенький, но для образца с такой глубины — пригодится.

Он провёл её в соседнюю комнату, заставленную приборами. Пахло здесь озоном сильнее, и гудел вентилятор. Алена достала кристалл, развернула шёлковый платок, и комната сразу озарилась мягким золотистым светом. Даже сквозь тусклый люминесцентный свет лаборатории было видно, как он переливается, как внутри него колышутся вспышки, похожие на маленькие зарницы. Казалось, в камне дышит что-то живое.

— Невероятно, — прошептала Алена, поднося кристалл к спектроанализатору. — Он реагирует на свет. И, кажется, на присутствие людей.

Она закрепила кристалл в держателе, включила прибор. По экрану побежали цифры, графики, кривые. Алена смотрела на них, и внутри неё нарастало недоумение. Состав не укладывался ни в одну известную ей кристаллографическую схему. Кремний, кислород, следы металлов — но их пропорции, их решётка были невозможны. Так не бывает в природе. А может, просто её знаний не хватало, чтобы понять. Она перепроверила калибровку, прогнала измерительный луч по эталону — прибор был точен. Значит, ошибка была не в приборе. Ошибка была в самом камне.

— Странно, — сказала она вслух, скорее себе, чем Кахи. — У него нет чёткой симметрии. Как будто его структура… меняется. — Она провела пальцем по экрану, увеличивая один из пиков. — Или прибор барахлит.

Кахи подошёл ближе, и в тот же миг кристалл вспыхнул ярче, а в воздухе раздался низкий гул — протяжный, вибрирующий, как пение множества голосов. Лаборантки в соседней комнате разом подняли головы, и Кира что-то испуганно спросила у Малии на гавайском.

— Он откликается, — сказал Кахи, и в его голосе послышалось что-то благоговейное. — Он узнаёт кровь.

— Кровь?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В его тёмных глазах, глубоких, как старая вода, что-то шевельнулось.

— Моя бабушка была хранительницей преданий, доктор. Она говорила: есть камни, которые не находятся, а приходят. Которые ждут своего человека и открываются только ему. — Он покачал головой. — Этот камень ждал вас. Это видно. Мой народ говорит: такие камни — это сердце старого мира. Они помнят то, что люди забыли. И они не любят, когда их находят чужие.

Алена хотела спросить ещё, но в этот момент зазвонил её телефон. Она взглянула на экран — незнакомый номер, местный, код 808. Она ответила:

— Да?

— Алена? — Голос в трубке был мужским, низким, с лёгкой хрипотцой, и от одного только звука его у неё перехватило дыхание. — Это Джеймс. Я не вовремя?

— Нет, — ответила она, чувствуя, как щёки снова заливает краска, и мысленно проклиная себя за то, что не может совладать с этим идиотским румянцем. — Я как раз в лаборатории. Изучаю находку.

— Какую находку?

Она помолчала, решая, говорить или нет. Но голос отца вчера сказал «беги», а интуиция подсказывала, что перед этим человеком нельзя прятать то, что нашлось на дне. И потом — она уже доверилась ему на светящейся воде. Обратной дороги не было.

— Я погружалась в район «Атлантик Роуз», — сказала она тихо, прикрывая трубку ладонью. — Я нашла корабль отца. И из трюма подняла кое-что. Кристалл. Он светится. И, кажется, он связан с этим островом.

В трубке повисло молчание. Такое долгое, что она уже решила, что он отключился. Потом он сказал — и голос его изменился, стал напряжённым, собранным, как у человека, который входит в режим опасности:

— Алена. Ты сейчас одна?

— Почти. Кахи рядом.

— Ты не должна показывать этот кристалл никому. Понимаешь? Никому. — Пауза. — Я приеду через полчаса. Не уходи из лаборатории до моего прихода. И спрячь его. Прямо сейчас.

— Что значит «никому»? Кахи…

— Кахи — хороший человек, — перебил он быстро. — Но хорошие люди тоже попадают в беду, когда рядом оказывается такая вещь. Просто спрячь его. И дождись меня. Обещаешь?

Она проглотила готовое возражение. Что-то в его голосе — собранность, тревога, какое-то древнее знание — заставило её послушаться. Эта же интонация была у отца, когда он говорил с мамой перед рейсами: «Не беспокойся. Всё будет хорошо. Только дождись меня».

— Обещаю, — сказала она.

— Алоха, — ответил он и отключился.

Алена стояла с телефоном в руке, глядя на кристалл, который мягко пульсировал на лабораторном столе. Она завернула его в платок, сунула в рюкзак и через силу улыбнулась Кахи, который смотрел на неё с недоумением.

— Всё в порядке, доктор? — спросил он.

— Да-да, — ответила она. — Просто… меня просили заехать. В консульство. Документы. — Ложь вышла неуклюжей, и оба это почувствовали.

Кахи не стал спрашивать. Он только кивнул и, помолчав, сказал тихо:

— Будьте осторожны, доктор Снигерева. На этом острове всё имеет цену. Даже то, что светится. Особенно то, что светится.

Она поблагодарила его и вышла из лаборатории, держа рюкзак перед собой, как щит. На улице, в тени старого баньяна с корнями, спускающимися до самой земли, стоял чёрный внедорожник с затемнёнными стёклами. Алена не заметила его сначала — он был припаркован так, что сливался с тенью, — но когда она проходила мимо, окно со стороны водителя медленно опустилось.

Внутри сидел человек в тёмном костюме. Лицо было неподвижно, как маска, глаза спрятаны за тёмными очками, несмотря на яркое солнце. Он не сказал ни слова. Просто посмотрел на неё — на неё и на рюкзак — с той спокойной, тяжёлой пристальностью, от которой по спине пробегает холод. Взгляд его был коротким, но очень внимательным: он посмотрел на её лицо, потом на рюкзак, потом снова на лицо. Как будто сверял с фотографией.

Окно поднялось. Внедорожник плавно тронулся с места и исчез за поворотом.

Алена стояла, не в силах двинуться, и сердце её колотилось где-то в горле. «Спрячь его», — сказал Джеймс. Она прижала рюкзак к груди и быстро, не оглядываясь, пошла в сторону пирса, на ходу лихорадочно соображая. Что это был за человек? Почему он смотрел на неё так, будто знал, что у неё в рюкзаке? Она поймала себя на том, что по привычке запоминает всё, что успела увидеть в опущенном окне: обивка тёмно-серая, на руле правая рука без кольца, на приборной панели — бумажный ярлык с инвентарным номером. Не личная машина. Служебная. И номер она успела срезать краем глаза, хотя и не знала ещё, что с ним делать. А ещё —

почему по всему периметру этого солнечного, райского острова ей чудится присутствие чего-то невидимого — внимательного и недоброго?

Она не пошла в кондоминиум — интуиция, та самая, северная, которая никогда её не подводила, сказала: не туда. Она пошла по набережной, вдоль воды, стараясь держаться спокойно, как обычная туристка, которая гуляет, любуется океаном, щурится на солнце. Под ногами шуршал песок. Ветер шевелил волосы. Мир был солнечный, мирный, пах цветами и солью. Но внутри у неё всё дрожало, как будто земля под ногами превратилась в тонкий лёд.

Зелёный джип стоял у старого склада, рядом с пристанью, где пахло рыбой и солью. Алена оглянулась — никого — и быстро скользнула на заднее сиденье. Джеймс сидел за рулём, глядя в зеркало заднего вида. Он был в тёмной футболке, рукава закатаны, и от него пахло морем, потом и той самой опасностью, которая, по её словам, сводила с ума. В зеркале его глаза встретились с её глазами — и на секунду ей показалось, что он видит её насквозь, видит всё: страх, недоверие, тягу.

— Покажи мне его, — сказал он без предисловий.

Алена достала кристалл, развернула платок. Салон джипа наполнился золотистым светом. Джеймс долго смотрел на него, не прикасаясь. Потом медленно, осторожно, как трогают змею, взял его в руки. Он держал его на ладони, и свет стекал по его пальцам, как вода.

— Мягкий, — сказал он тихо. — Тёплый. Как будто живой.

— Он пульсирует, — сказала она. — В такт сердцу. Моему.

Джеймс поднял на неё глаза. В его янтарном взгляде было что-то новое — не насмешка, не игра. Серьёзность. Глубокое, почти болезненное внимание, как у человека, который всю жизнь ждал этой минуты.

— Алена, — сказал он. — Мой отец писал о таких камнях. В своём дневнике. Он называл их «ключами». И говорил, что их было несколько. И что один из них был на корабле, который исчез в этих водах двадцать три года назад. — Пауза. — На «Атлантик Роуз».

У неё потемнело в глазах. Она схватилась рукой за спинку сиденья, потому что мир вдруг качнулся.

— Ты знал, — выдохнула она. — Ты всё это время знал, что мой отец вёз эту штуку. Что его судно исчезло из-за этого. Ты знал и молчал.

— Я не знал, что он был у твоего отца. Я знал только, что мой отец искал его. Искал и исчез. — Он посмотрел на неё, и в его глазах стояла такая же боль, какую она чувствовала у себя внутри. — Мы оба ищем одно и то же, Алена. Мы оба потеряли отцов из-за одного и того же. Только мой отец искал ключ с берега. А твой — нёс его на корабле.

— Зачем ты вчера повёл меня на ту воду? — спросила она, и голос её дрожал от гнева и обиды. — Ты знал, что я найду корабль? Ты подстроил это?

— Я не подстраивал. — Он говорил тихо, спокойно, не оправдываясь, а просто констатируя. — Я узнал, что ты приезжаешь, и понял, что это шанс. Что вместе мы сможем найти то, что искали наши отцы. И я хотел, чтобы ты увидела меня до того, как узнаешь правду. Чтобы ты решила: верить мне или нет. — Он сжал кристалл в руке. — Ты должна принять это решение сама. Я не хочу вести тебя обманом.

Алена смотрела на него, и внутри неё всё клокотало: гнев, страх, недоверие — и отчаянная, нелогичная тяга к этому человеку. Он был частью тайны. Он был частью цепи, которая вела к отцу. И в то же время — он был тем, кто обнимал её на светящейся воде и целовал так, что у неё подкашивались колени. Перед ней сидел человек, который, может быть, вёл её к опасности. Но он хотя бы не лгал ей в лицо.

— Почему ты не сказал мне всё с самого начала? — спросила она шёпотом.

— Потому что те, кто за тобой следит, — он кивнул в сторону, где остался чёрный внедорожник, — знают, что ты нашла это. Сейчас они решают, что делать. У тебя есть два пути: спрятаться, отдать находку и улететь — или идти до конца. Но идти до конца — это идти со

мной. Потому что без меня ты не пройдёшь и половины пути. Это не моя самоуверенность. Это факт: я единственный, у кого есть часть головоломки, которой нет у них.

Он выехал на дорогу. Алена сидела на заднем сиденье, прижимая к груди рюкзак, и смотрела, как мимо проплывают пальмы, дома, океан. Кристалл пульсировал у неё в рюкзаке, рядом с деревянной акулой, на боку которой была вырезана крошечная снежная роза.

Дорога уходила от побережья в горы. Асфальт кончился, началась грунтовка, и джип запрыгал по ухабам, обходя лавовые поля, поросшие чахлой растительностью. Адреналин постепенно отпускал её, сменяясь странной, почти сонной усталостью. Она смотрела в окно на проплывающие мимо скалы и думала о том, что её жизнь за каких-то три дня перевернулась так, что не узнать.

— Расскажи мне про ключи, — попросила она. — Всё, что знаешь.

Джеймс помолчал, собираясь с мыслями, потом начал говорить — не оборачиваясь, глядя на дорогу:

— Мой отец, Ричард Патрик, был военным корреспондентом. Он объездил полмира, пока не получил задание написать материал о таинственных исчезновениях судов в Тихом океане. Во время работы он наткнулся на старые архивы, на записи, из которых следовало, что в этих водах существуют места, где время идёт иначе. Где компасы сходят с ума, а радиосигналы превращаются в шум. Он записал в дневник, что нашёл упоминания о «ключах» — камнях, которые, по легендам, могли открывать вход в эти места. Он разыскал одного старого капитана, который рассказывал ему о корабле, ушедшем на дно вместе с таким камнем. И о другом — который нёс такой камень на торговом судне, курсировавшем между Хило и материком.

— «Атлантик Роуз», — сказала Алена.

— Да. Капитан не называл имени. Но описание совпадало: сухогруз, капитан-русский, выход из Хило. Мой отец приехал на Гавайи искать этот корабль. И исчез. Официально — погиб в Африке. Но его вещи пришли домой из Гонолулу. В его чемодане я нашёл дневник и эту карту. И запись на диктофоне: он говорит, что нашёл человека, который знает, где ключ. Что ему нужно ещё немного времени. И что «они» уже идут за ним.

— «Они»?

— Он не успел сказать. Запись обрывается. — Джеймс на секунду сжал руль. — Я десять лет искал, кто такие «они». И нашёл. Это не люди в чёрном, которых ты видела. Это те, кто ими руководит. Корпорация. «Ceto Dynamics». Судоходная компания, которая прикрывается наукой. Они ищут ключи. Ищут их с тех пор, как исчезли наши отцы. — Он посмотрел на неё в зеркало. — И сейчас они знают, что один из ключей нашёлся. У тебя.

Алена молчала. В голове у неё было пусто и звонко, как в раковине. «Ceto». Морское чудовище из древнегреческих мифов. Как назывался корабль, на котором ходил её отец? «Атлантик Роуз». Роза. Снежная роза. Всё сходилось в одну точку — и эта точка пульсировала у неё в рюкзаке, тёплая, как живое сердце.

Джип свернул на едва заметную тропу, скрытую зарослями, и через несколько минут лес расступился, открыв небольшую поляну. Посреди неё, увитая вьющимися растениями, стоял дом — бунгало с широкой верандой и покатой крышей. От него пахло деревом, дымом и кофе. И почему-то — безопасностью.

— Добро пожаловать, — сказал Джеймс, заглушив двигатель. — В мою крепость.

Алена вышла из машины, и ноги её подкашивались. Она стояла на траве, вдыхала тёплый воздух, пахнущий лесом и дальним океаном, и чувствовала, как напряжение последних часов — нет, последних дней — начинает потихоньку отпускать её плечи. Джеймс взял её рюкзак, не спрашивая, и понёс в дом. Она шла за ним, глядя на его широкую спину, и думала о том, что всего час назад она была уверена, что не доверяет ему. А теперь она идёт за ним в его дом, в его крепость, в темноту леса. Потому что бежать было некуда. Потому что он был единственным, кто понимал. Потому что соль на её губах всё ещё помнила его поцелуй.

Дом внутри оказался больше, чем казался снаружи. Одна большая комната-гостиная с каменным очагом, деревянные стены, увешанные картами и фотографиями, полки с книгами, большой стол, заваленный бумагами. В углу — кровать, застеленная пледом, накрытая москитной сеткой. Пахло деревом, табаком и океаном. Джеймс положил её рюкзак на стул у стола, разжёг огонь в очаге — быстро, умело, одной рукой, — и повернулся к ней.

— Здесь никого нет. Ни телефона, ни соседей, ни дороги. Только мы и лес. До утра мы в безопасности.

— А после утра?

— После утра будем решать. — Он подошёл к ней, остановился на расстоянии шага. От него пахло дымом и тем самым тёплым, древесным запахом, от которого у неё всё сжималось внутри. — Ты устала. Есть хочешь? Я могу разогреть что-нибудь.

— Я не голодна. — Она не отводила взгляда от его глаз. — Я хочу понять. Ты сказал, что знал обо мне до того, как я приехала. Что ты ждал меня.

Он молчал секунду. Потом сказал тихо:

— Я знал, что должна приехать женщина-учёный из России. Женщина, у которой в роду была «снежная роза». Так мой отец описал то, что искал. «Снежная роза» — так называется цветок, который, по легенде, растёт только в одном месте этого острова, где вулканический пепел встречается со снегом. Тот, кто найдёт его, найдёт сердце острова. — Он сделал шаг ближе. — Я не знал, что ты — его дочь. Я не знал, что ты везёшь это в крови. Я узнал это, когда увидел тебя на балконе. И когда поцеловал тебя — я понял, что уже не смогу просто использовать тебя, чтобы найти ответ. Потому что я хочу найти его с тобой.

У неё перехватило дыхание. Его слова падали в неё, как камни в тёмную воду, и расходились кругами. Она сделала шаг назад — упёрлась спиной в книжный шкаф. Он всё ещё стоял на расстоянии шага, и это расстояние было как натянутая струна.

— Ты используешь меня, — сказала она. — Ты сказал это сам.

— Я говорю тебе это честно, — ответил он. — И я не отступлю, если ты решишь, что этого мало. Но прежде чем ты решишь — я хочу, чтобы ты знала: когда я целовал тебя, я не думал ни о каком ключе. Я думал только о тебе. — Его голос сел. — И это меня пугает больше, чем все «Ceto» на свете.

Алена стояла, прижавшись спиной к шкафу, и смотрела на него. Огонь в очаге трещал, бросая тёплые тени на его лицо, и в этих тенях он казался старше, серьёзнее, ближе. Она видела его насквозь — или ей так казалось. Она видела мальчика, который потерял отца, и мужчину, который всю жизнь искал правду, и того, кто целовал её на светящейся воде так, что у неё подкашивались колени.

— Я не знаю, могу ли верить тебе, — сказала она.

— И правильно, — ответил он. — Не верь. Проверяй. Но не уходи от меня сегодня ночью. Потому что завтра решатся вещи, которые мы не сможем отменить. И я хочу, чтобы ты была рядом, когда это случится.

Она переступила порог и почувствовала, как за спиной закрылась дверь. И где-то в глубине — так, что она не могла бы объяснить это логикой, — ей показалось, что это не она вошла в его дом. Это она вошла в его жизнь. И обратной дороги не было.

Всё только начиналось.

Она не пошла спать. Она села на широкую деревянную ступеньку веранды, обхватив колени руками, и смотрела, как над лесом зажигаются звёзды. Они были здесь гуще, чем в городе, — плотные, крупные, как будто кто-то рассыпал по чёрному небу пригоршни соли. Воздух пах влагой, зеленью и далёким океаном, и этот запах был гуще, чем в Коне, — здесь остров дышал всем телом.

Джеймс вышел через несколько минут, держа в руках две кружки. Одну протянул ей.

— Чай. С имбирём и мёдом. Не кофе, но на ночь лучше.

Она взяла кружку, согрела ладони. Он сел рядом — на расстоянии ладони, не ближе, — и тоже стал смотреть на звёзды. Молчание было тёплым, почти осязаемым. В нём не было неловкости — только напряжённое, живое ожидание, как будто воздух между ними был натянут, как струна перед ударом.

— Ты так и не рассказал мне, кто ты, — сказала она наконец. — Не журналист. Ты слишком хорошо знаешь, как прятаться. Как исчезать. Как выглядывать из тени.

— Я и есть журналист, — ответил он, не оборачиваясь. — Но да, не только. Десять лет назад, когда я нашёл дневник отца, я понял, что правду найду только с другой стороны. Я ушёл из газеты, влез в расследование, потом в другое, в третье. Нажил врагов, завёл друзей. Научился стрелять, таскать нож, исчезать, когда надо, и появляться, когда выгодно. — Он отхлебнул чай. — А «Сан-Франциско Кроникл» — легальное прикрытие. Мой редактор — старый друг отца. Он знает, чем я занимаюсь, и прикрывает меня, когда нужно.

— И что ты расследуешь сейчас?

— То же, что расследовал отец. «Ceto Dynamics». Они называют себя благотворительным фондом по изучению океана. На самом деле они выкупают участки дна, ставят там станции, которые не показывают ни в одной отчётности, и ищут… — он помолчал, — что-то. Я не знаю точно, что. Но я знаю, что они искали ключи. И что они были готовы убивать за них.

Алена поёжилась, хотя ночь была тёплой.

— И ты думаешь, они знают, что ключ у меня?

— Уже знают, — сказал он спокойно. — Тот внедорожник у лаборатории — это их люди. Они ждали, когда кто-нибудь привезёт им то, что они ищут. Они не знали, что это будешь ты. Но теперь знают.

Она замолчала, переваривая. Где-то в лесу крикнула птица — резко, одиноко, и снова стало тихо. Луна ещё не взошла, и свет был только звёздный — серебряный, слабый, но достаточный, чтобы видеть лица.

— Почему ты не отдал это всё полиции? — спросила она. — Нашёл бы способ.

— Полиция Гавайев ничего не сможет сделать с корпорацией, у которой юристы дороже всего полицейского участка. И потом — кому я отдам дневник отца? В нём нет улик, которые можно предъявить в суде. В нём только записи безумца, который писал о голосах из глубины. — Он повернулся к ней, и в сумраке его глаза блеснули. — Единственное доказательство, что он был прав, — это то, что лежит сейчас в твоём рюкзаке. И оно говорит само за себя.

Алена допила чай. Поставила кружку на ступеньку. И вдруг, не думая, спросила то, что вертелось у неё на языке с самого вечера:

— А если бы ты узнал, что я не дочь капитана? Что я обычная учёная, без всякой «снежной розы» в роду? Ты бы тоже… целовал меня?

Он долго молчал. Так долго, что ей стало страшно. Потом он сказал — тихо, и в голосе его не было ни капли игры:

— Я не знаю. Я думаю — да. Потому что я целовал не родовую метку. Я целовал тебя. Ту, что стоит на балконе с чашкой кофе и смотрит на океан так, будто он её что-то должен. — Он помолчал. — И я хочу, чтобы ты знала: если завтра выяснится, что вся эта история — ошибка, что никакого ключа нет, я всё равно не пожалею, что встретил тебя. Это единственное, в чём я абсолютно уверен.

У неё перехватило дыхание. Она смотрела на него — на его профиль, освещённый звёздным светом, на его руки, сжимающие кружку, на тёмные ресницы, — и чувствовала, как что-то в ней тает, оттаивает, как лёд на весеннем солнце. Она не хотела этого. Она не могла себе этого позволить. Но оно шло, и она не могла его остановить.

Он повернулся к ней. Их лица были близко — ближе, чем той ночью на воде. Она видела его глаза, тёмные, как глубины. Видела, как он смотрит на её губы. И знала, что если не отстранится сейчас — не отстранится уже никогда.

— Джеймс, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он. — Я знаю, что ты не готова. Я подожду. — Он поднял руку и убрал прядь волос с её лица, коснувшись щеки кончиками пальцев. — Но сегодня, когда ты ляжешь спать, — знай: я рядом. И я никому не дам тебя в обиду. Ни завтра, ни послезавтра. Никогда.

Он встал, забрал её кружку и ушёл в дом, оставив её на веранде в звёздном свете. Алена долго сидела, глядя на тёмный лес, и чувствовала, как сердце её бьётся где-то в горле, как щека ещё горит от его прикосновения, как в груди разрастается что-то тёплое, живое, опасное — то, чему она не давала названия все эти годы.

Она легла в кроватку у стены, укрытая пледом, пахнущим дымом и имбирём, и долго не могла уснуть. Кристалл лежал на тумбочке рядом с кроватью, освещая комнату мягким золотым светом, и этот свет успокаивал, как ночник. Она смотрела на него, пока не провалилась в сон.

И снова пришёл берег. Чёрный песок, тёплая вода, силуэт вдалеке. Только теперь их было двое: один — в море, другой — рядом с ней, на берегу. И океан шептал ей — не словами, а током, волной, дыханием:

«Ты принесла свет в тёмную воду, снежная роза. Теперь держись. Потому что они тоже увидели его».

Она проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Резко села — и увидела над собой лицо Джеймса, напряжённое, собранное, освещённое серым предрассветным светом.

— Собирайся, — сказал он коротко. — Они знают, где мы. Внизу, в долине, я видел их машину. Нам нужно уходить. Прямо сейчас.

Алена сбросила плед, схватила рюкзак — кристалл уже был в ней, тёплый, как живой, — и, не задавая вопросов, побежала за ним к джипу. В дверях она на миг обернулась — и увидела, как за окном, сквозь серую дымку рассвета, по долине к дому ползёт тёмная фигура. Вторая. Третья.

Океан внизу, за грядой холмов, был спокоен — и это спокойствие обещало только одно: шторм ещё впереди.

Глава 4. Осколок прошлого

«Иногда прошлое — это не то, что осталось позади. Иногда оно ждёт нас впереди, принимая форму кристалла, который хранит больше, чем просто свет. И когда ты берёшь его в руки, ты берёшь в руки судьбу. Прошлое не отпускает. Оно просто ждёт своего часа — того мига, когда ты будешь готова увидеть его глазами, не отводя взгляда».

Джип нёсся по лесной дороге, подпрыгивая на корнях и камнях, и Алена вцепилась в ручку над дверью, глядя в зеркало заднего вида. Сзади, сквозь серую дымку рассвета, мелькали фары — два слепящих белых пятна, которые приближались с каждой секундой. Джеймс вёл машину молча, сосредоточенно, руки на руле лежали спокойно, но в каждом движении чувствовалась выверенная, экономная собранность человека, который не раз уходил от погони. Он не нервничал. Он работал. И от этого — от этой его холодной, звериной деловитости — у Алены внутри всё сжималось в тугой узел.

— Пригнись, — сказал он коротко.

Она пригнулась, и в этот момент сзади что-то щёлкнуло — коротко, сухо, как будто треснула ветка, — и заднее стекло покрылось паутиной трещин. Звук удара о бронированное стекло отдался в её ушах звоном, и она почувствовала, как сердце подпрыгивает к горлу.

— Они стреляют! — крикнула она, и голос её сорвался на визг, которого она сама от себя не ожидала.

— Я заметил, — ответил он, и в голосе его не было ни капли паники. Только спокойная, холодная собранность. — Держись.

Он вывернул руль, и джип крутанулся, съезжая с дороги в заросли. Ветки хлестнули по стёклам, листья ворвались в салон через открытое окно, пахнуло влажной зеленью и раздавленной листвой. Машина пробила живую изгородь и вылетела на узкую грунтовую тропу, ведущую вдоль обрыва. Справа открывался океан — серый, свинцовый, с барашками пены на волнах. Слева — стена джунглей, тёмная, сплошная, дышащая.

— Здесь они не пройдут, — сказал Джеймс, сбрасывая газ. Джип вильнул на повороте, и сзади послышался скрежет металла: преследователи, видимо, застряли или свернули. Фары в зеркале погасли.

Алена перевела дыхание. Сердце колотилось, как у загнанной птицы, и она чувствовала, как адреналин разливается по телу — горячий, шипучий, заставляющий дрожать каждую мышцу. Она разжала пальцы, вцепившиеся в ручку, и посмотрела на свои руки — они дрожали.

— Ты в порядке? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да. — Голос её сел. — Кажется.

— Это «Cetо». Быстро сработали. — Он свернул с тропы на ещё более узкую, едва заметную колею, идущую в гору, и вскоре джунгли сомкнулись вокруг них, скрыв от посторонних глаз. Он заглушил двигатель через несколько минут, и в наступившей тишине слышно было только их дыхание и далёкий, ровный шум океана внизу.

Алена вышла из машины. Ноги её подкашивались, но она заставила себя стоять ровно. Она смотрела на джунгли — высокие деревья, закрывающие небо, лианы, свисающие до земли, влажный, пахнущий гнилью и цветением воздух, — и пыталась вернуть себе контроль. Она, специалист по глубоководным экосистемам, привыкла к тому, что в её мире всё предсказуемо: давление, температура, солёность, газовый состав. Всё, кроме людей. Люди были непредсказуемы. А теперь непредсказуемым стал весь мир. Она стояла в мокрой от росы траве, в чужой стране, в бегах от вооружённых людей, с кристаллом, светящимся тёплым светом, в рюкзаке. И единственный человек, которому она могла верить, стоял сейчас перед ней — незнакомец, журналист, охотник за тайнами её отца.

— Какие у нас варианты? — спросила она, поворачиваясь к нему.

Джеймс стоял у капота, глядя вниз, на долину, откуда они только что вырвались. Лицо его было напряжённым, почти суровым, и только в глазах — если знать, куда смотреть, — можно было прочитать усталость человека, который ведёт эту игру слишком долго. Он снял футболку, вытер ею лицо, и Алена, против своей воли, задержала взгляд на его груди — загорелой, с тёмными волосками, с тонким старым шрамом, идущим от ключицы к плечу. Она отвела глаза, чувствуя, как щёки заливает жаром.

— Варианты простые, — сказал он, натягивая футболку обратно. — Или мы прячемся и ждём, пока они уберутся, или мы идём к цели быстрее, чем они ожидают. Третьего не дано.

— И какова цель?

Он посмотрел на неё. В его янтарных глазах мелькнуло что-то — неопределимое.

— Ты помнишь то место, куда я тебя привёл в первый день? «Врата Пеле». Бухта, где вода тёмно-изумрудная, а берег усыпан галькой.

— Конечно, помню. Там было что-то странное. Вода… дышала. И я почувствовала, что за нами кто-то наблюдает.

— Ты была права. — Он сделал паузу. — Местные говорят, что эта бухта — ворота. Не в метафорическом смысле. В прямом. Что под водой, на глубине, есть пещера, и что в ней, по легенде, спрятан второй ключ. Тот, что дополнит тот, который нашла ты. — Он помолчал, глядя ей в глаза. — Мой отец писал об этом месте в дневнике. Он считал, что туда ведут следы. Он называл его «второй замок». И я думаю: если мы соединим два ключа, мы узнаем, где находится всё остальное. И что случилось с нашими отцами.

Алена почувствовала, как по спине пробежал холодок — тот самый, который в последние дни стал её постоянным спутником. Он приходил каждый раз, когда речь заходила об отце, о кристалле, о тайне. И каждый раз она делала шаг вперёд, вместо того чтобы повернуть назад.

— И ты предлагаешь нам нырнуть туда сейчас? — спросила она. — С вещами, которые мы едва успели схватить, без оборудования?

— У меня на дне джипа лежит полный комплект для погружения, — сказал он. — Второй, про запас. Плюс два баллона. Я готовился к этому не один день. — Он посмотрел на неё, и в глазах его была решимость. — Но я не потащу тебя туда насильно. Если ты хочешь — я отвезу тебя в Кону, к людям, которые тебя защитят. Посольство. Полиция. Я исчезну, а ты будешь свободна.

— Свободна? — переспросила она, и в голосе её прозвучала горечь. — С кристаллом в рюкзаке, за которым охотятся вооружённые люди, я свободна? Нет, Джеймс. Свободна я была тогда, когда не знала ничего. Теперь у меня только один путь — вперёд. Если ты ведёшь к цели — я иду с тобой.

Он долго смотрел на неё. Потом кивнул — коротко, по-мужски, без лишних слов.

— Тогда у нас есть два часа, пока они перегруппируются. Дальше — либо мы внутри, либо снова в бегах. — Он открыл багажник и начал доставать снаряжение.

Алена стояла, глядя, как он раскладывает на траве гидрокостюмы, баллоны, маски, ласты, подводные фонари. Внутри неё всё дрожало — от страха, от адреналина, от странного, пьянящего чувства, которое она не решалась назвать даже самой себе. Она не знала, что ждёт её под водой в той бухте. Но что-то — тот самый голос, который она слышала во сне, голос, который стал за последние дни таким же привычным, как биение собственного сердца, — подсказывало ей: там её ждёт ответ. И что ответ этот будет стоить дорого.

Они спустились к «Вратам Пеле» другой дорогой — узкой тропой через джунгли, на которую не было даже намёка на карте. Через час ходьбы по раскалённому лавовому полю, мимо гигантских папоротников и деревьев, усыпанных яркими цветами, лес расступился, и они снова вышли к той самой бухте. Вода здесь была тёмно-изумрудной, почти чёрной, и на поверхности — ни одной волны. Бухта казалась спящей, затаившейся, как хищник перед прыжком. Даже чайки кружили где-то далеко, не приближаясь к этому месту.

— Вход в пещеру — на глубине тридцати метров, — сказал Джеймс, надевая гидрокостюм. — Она ведёт под остров. Я не знаю, что там внутри. Возможно, это просто пещера с красивыми сталактитами. А возможно, там то, что искали наши отцы.

Алена молча натянула гидрокостюм, закрепила баллон на спине, проверила регулятор. Движения были привычными, отточенными, — и в них она находила странное успокоение. Вода не обманывает. Вода — это её стихия. Под водой она знала, что делать. Под водой мир был понятен. Она сделала глубокий вдох, надела маску, и на мгновение ей показалось, что весь этот хаос — погоня, выстрелы, кристаллы, корпорации — остался где-то там, наверху, в мире воздуха и ветра.

Они вошли в воду одновременно. Холодный шок — даже несмотря на тёплое океанское течение, глубина была прохладной. Алена выровняла дыхание, дала телу привыкнуть, потом начала опускаться. Джеймс плыл рядом, и его рука время от времени касалась её локтя — молчаливая проверка: ты здесь, я здесь.

На глубине двадцати метров свет померк. Алена включила фонарь, и его луч выхватил из тьмы каменную стену, поросшую кораллами, — тёмную, неровную, с трещинами и уступами. Рыбы — полосатые, зелёные, ярко-синие — разбегались от луча, как испуганные искры. На глубине тридцати метров они увидели его: вход в пещеру. Овальное отверстие в скале, чуть выше человеческого роста, из которого медленно, нехотя, как дыхание, выходило холодное течение. Края отверстия были гладкими, отполированными — вода отшлифовывала их тысячи лет.

Алена замерла, глядя на тёмное отверстие. Что-то внутри неё — древнее, животное, то, что жило в ней задолго до науки, — шептало: назад. Но другое — то, что было глубже, то, что она называла «даром», — тянуло вперёд. Она посмотрела на Джеймса. Он кивнул. И они вошли вместе.

Пещера сразу стала шире — как будто внутри острова была огромная, заполненная водой камера. Лучи фонарей скользили по стенам, покрытым чем-то, что отливало золотом. Алена подплыла ближе и поняла, что это не кораллы и не водоросли. Это были рисунки. Древние, выбитые в камне, — спирали, волны, рыбы, фигуры людей, тянущих руки к солнцу. Она коснулась их рукой, и в тот же миг ей показалось, что стена потеплела. Как будто камень узнал её прикосновение.

Они вынырнули в воздушный карман — маленькую камеру, где можно было стоять по пояс в воде. Алена сняла маску и огляделась. Потолок уходил вверх, теряясь в темноте. На стенах, в нишах, стояли каменные фигурки — те же акулы, которые она видела в руке Джеймса, — и какая-то древняя, невесомая тишина висела в воздухе, как занавес. И в центре камеры, на каменном пьедестале, лежал второй кристалл. Он был такого же размера, как её, но сине-зелёного цвета, цвета морской глубины, и светился ровным, спокойным светом, как будто ждал их.

Алена подплыла, вышла из воды и подошла к пьедесталу. Она протянула руку — и замерла. За спиной, в глубине камеры, ей почудилось движение — тёмная тень, скользнувшая по стене. Она обернулась, но там никого не было. Только Джеймс, стоявший у входа в воду, смотрел на неё. Его лицо в полутьме казалось вырезанным из камня, и в глазах отражался свет кристалла.

— Ты чувствуешь это? — спросила она шёпотом.

— Да, — ответил он так же тихо. — Здесь кто-то был. Недавно.

— Откуда ты знаешь?

— Запах. — Он повёл носом. — Табак. Дорогой табак, не с рынка. И одеколон. Что-то европейское. Кто-то здесь был, Алена. И ушёл. Совсем недавно — несколько дней назад, не больше.

Холодок снова пробежал по её спине. Она взяла кристалл. Он был прохладным, гладким, и когда её пальцы сомкнулись вокруг него, из глубины камня вспыхнул свет — ярче, чем раньше, — и по руке Алены пробежал разряд. На мгновение ей показалось, что она видит — сквозь толщу воды, сквозь стены, сквозь сам остров — огромную, тёмную, дышащую массу. Сердце Пеле. Оно билось где-то в глубине, под ними, — большое, тёплое, живое — и пульс его отдавался в её ладони через кристалл. А потом видение исчезло, и она снова стояла в камере, сжимая в руке тёплый камень.

— Нужно вернуться, — сказала она, и голос её дрогнул. — Здесь слишком тихо. И мне кажется, мы здесь не одни.

Они вошли в воду и поплыли обратно. Алена всё время чувствовала на себе взгляд — тяжёлый, пристальный, не покидающий её ни на секунду, как будто тень из камеры следовала за ними сквозь тьму. Она не оглядывалась. Она плыла, сжимая кристалл, и сердце её билось где-то в горле.

Они вынырнули на поверхность уже в сумерках. Солнце садилось, и бухта горела золотом — вода, песок, камни, всё было налито янтарным светом. Алена сняла маску, вдохнула тёплый вечерний воздух и посмотрела на кристалл в своей руке — сине-зелёный, светящийся, живой. А потом — на второй, золотой, который лежал в нагрудном кармане её гидрокостюма. Два ключа. Два осколка одной судьбы. И где-то там, в глубине, ждал третий — и ответ, который она боялась и жаждала узнать.

— Что теперь? — спросила она, глядя на Джеймса.

Он стоял по колено в воде, и закатное солнце обводило его силуэт золотом. В его руке, на ладони, лежал второй кристалл, и она видела, как его свет отражается в его глазах.

— Теперь, — сказал он, — мы поедем туда, где эти двое соединяются. Где ты видела карту. В пещеру с розой.

Алена посмотрела на него, и в её груди что-то дрогнуло. Пещера с розой. Она ещё не была там. Но имя это звучало так, будто она знала его всю жизнь. Оно висело в воздухе, как запах знакомых духов, который не можешь вспомнить, но который ведёт тебя за собой.

— У нас нет времени ехать через город, — сказал Джеймс, выходя из воды и стаскивая гидрокостюм. — Нам нужно заночевать где-то здесь, а на рассвете — идти в горы. Есть одно место, где нас точно не найдут. Лавовая пещера на восточном склоне. Туда не ходят даже туристы.

Они собрали снаряжение, погрузили в джип и поехали вдоль побережья, обходя стороной Кону. Дорога петляла между лавовыми полями, и закат угасал за их спинами, переходя в бархатную тропическую ночь. Алена сидела на переднем сиденье, держа оба кристалла в ладонях. Они пульсировали — не в такт, а как-то согласно, как два сердца, которые настраиваются друг на друга. Золотой — ровно и тепло, как маленькое солнце. Сине-зелёный — спокойно и глубоко, как океанский прилив.

— Всю жизнь я думала, что океан — это просто вода, — сказала она, не глядя на него. — Химическая формула. Среда обитания. Объект изучения. А он, оказывается… помнит. Знает. Ждёт.

— Может, он и есть живой, — ответил Джеймс. — Может, мы просто слишком долго не слушали. — Он повернулся к ней, и в темноте его глаза блеснули. — Ты чувствуешь его. Я это вижу. Ещё с тех пор, как ты стояла на балконе и смотрела на воду так, будто она тебе что-то должна.

— Ты уже говорил это. — Она усмехнулась уголком губ. — Цитируешь сам себя?

— Это была цитата из тебя. Ты не помнишь, но ты весь день говорила это молча.

Тропа закончилась у каменной россыпи, и дальше они пошли пешком — по узкому уступу, держась за ветки, вдоль обрыва, где внизу, в темноте, глухо шумел океан. Через полчаса они вышли к небольшому отверстию в скале, скрытому кустами. Внутри оказалась про-

сторная пещера с ровным, сухим полом, и в глубине её, под наклонной стеной, кто-то когда-то соорудил лежанку из досок и прессованного картона, прикрытую брезентом. Пахло сухой пылью, но было тепло.

— Ничья, — сказал Джеймс, снимая рюкзак. — Припасы, вода, фонари на батарейках, даже аптечка. Охотники за дикими свиньями останавливаются. Здесь безопасно.

Алена села на край лежанки, всё ещё сжимая кристаллы в руках. Тело её гудело от адреналина, от ходьбы, от холодной воды, от всего сразу. Она чувствовала, как где-то в груди что-то дрожит — не то страх, не то возбуждение, не то и то, и другое, смешанное в одну тёмную, сладкую субстанцию.

Джеймс развёл маленький огонь в каменной нише — дым уходил в щель наверху, — поставил греться консервы из припасов охотников, а сам сел напротив неё, глядя на огонь. Тени плясали на его лице, высвечивая скулы, лоб, тёмные ресницы. Молчание между ними было тяжёлым от несказанных слов.

— Джеймс, — сказала она наконец. — Почему ты так уверен, что эти кристаллы — ключи? Что они не про́сто… камни?

— Потому что твой отец знал, — ответил он, не отводя глаз от огня. — Он не случайно вёз его на своём судне. Он не случайно вышел из Хило не по маршруту. Он вёз его в конкретное место. И он знал, что за ним идут. — Он поднял на неё глаза. — В дневнике отца есть запись. Он писал о капитане, который нёс ключ. «Он не вернётся. Он это знает. Но он сделает это, потому что так надо». Это был твой отец, Алена. Он знал, что не вернётся. И он всё равно пошёл.

Алена почувствовала, как глаза наполняются теплом. Она не плакала — она давно разучилась плакать, — но что-то там, за грудиной, сжалось так сильно, что стало трудно дышать.

— Он вёз его сюда, — сказала она тихо. — Чтобы спрятать. Чтобы его не нашли. И он утонул, пытаясь это сделать.

— Или скрылся, — сказал Джеймс. — Мы не знаем. Корабль нашёлся в водах, где его не должно было быть. Но тела не найдены. Ты знаешь это.

Она знала. Она знала это все двадцать три года. Тела не нашли. Ни одного. Официальная версия гласила: шторм, кораблекрушение, все погибли. Но тела не нашли. И это маленькое «но» всю жизнь грызло её, как тихая боль, которой не давали имени.

— Тела не найдены, — повторила она. — И это значит… это значит, что есть шанс.

Он не ответил. Он просто смотрел на неё через огонь, и в его глазах было что-то такое, от чего у неё перехватывало дыхание. Не жалость. Понимание.

— Ложись спать, — сказал он наконец. — Завтра трудный день. Я посторожу первым.

Она легла на лежанку, укрывшись брезентом, который пах пылью и сухой травой. Кристаллы она положила рядом, в изголовье, где они слабо светились в темноте, как два маленьких ночника. Она смотрела на них, пока сон не сомкнул ей глаза.

Ей снился океан. Тёмный, гладкий, как чёрное стекло. Она стояла на берегу и смотрела на воду, и вода была не просто водой — она дышала, она слушала, она ждала. И из глубины, из самой её середины, поднимался голос — не мужской и не женский, а какой-то древний, глубокий, как само море:

«Ты держишь два осколка одного сердца, снежная роза. Осталось найти третий — и место, где они соединятся. Ты готова?»

— Я готова, — ответила она во сне.

И проснулась от того, что кто-то коснулся её плеча. Она открыла глаза. В пещере было серо — ранний рассвет просачивался сквозь вход. Джеймс сидел рядом, и в его руке был телефон, экран которого светился бледным светом.

— Они обыскивают побережье, — сказал он, не повышая голоса. — У Коны — их люди. У Хило — тоже. Но есть дорога, по которой они не пойдут: через кратер Килауэа, по тропе

вулканологов. Она опасная, но она выводит прямо к северо-восточному склону, где находится пещера с розой. — Он посмотрел на неё. — Ты идёшь?

— Я уже сказала: иду, — ответила она, садясь и убирая волосы с лица. — До конца.

Он кивнул, достал из рюкзака два бутерброда и флягу с водой, сунул ей в руки.

— Тогда завтракай. Через десять минут выходим.

Она ела, глядя, как рассвет заливает вход в пещеру золотым светом. Кристаллы лежали у неё в ладони — тёплые, пульсирующие, как два сердца, бьющихся в унисон. И что-то подсказывало ей, что впереди — там, в пещере с розой, — она найдёт не просто ключ. Она найдёт ответ. И, может быть, — то, чего ждала всю жизнь.

Она сжала кристаллы в кулаке и сделала последний глоток воды.

— Идём, — сказала она.

Они вышли из пещеры в серый предрассветный полумрак. Туман стелился по лавовому полю, и ступни тонули в холодной росе. Джеймс шёл первым, уверенно находя тропу там, где Алена видела только неровные глыбы застывшей лавы. Она держалась за ним, стараясь не отставать и не смотреть вниз, где в трещинах поблёскивала темнота.

Часа через полтора они вышли к подножию Килауэа. Воздух здесь был плотным, с горьковатым запахом серы, который щипал ноздри. Вдалеке, над кратером, поднимался столб белого пара. Джеймс остановился, дал ей напиться и показал на едва заметную тропу, уходящую вверх между лавовыми нагромождениями.

— Это тропа старых вулканологов, — сказал он. — Сорок лет назад по ней ходили к извержению. Теперь о ней забыли. Здесь нас не найдут.

Они карабкались по скалам, обходя кратеры и фумаролы, из которых вырывались горячие струи пара — они свистели, как чайники, и Алена чувствовала жар даже сквозь подошвы ботинок. Раз-другой ей пришлось прижать ладонь к холодному камню, чтобы не упасть. К полудню они вышли на гребень, с которого открывалась долина, поросшая сочным лесом. Где-то в её глубине, у синей ленты реки, угадывался тёмный вход.

— Вон там, — сказал Джеймс. — Пещера с розой.

Они спустились в долину и через час стояли перед входом. Он был узким — пролезть можно было только по одному, боком, — и скрыт за водопадом свисающих лиан. Внутри пахло сырой землёй и древним камнем. Алена достала фонарь, вошла первой и через несколько шагов оказалась в небольшом гроте, стены которого были испещрены рисунками — теми же, что и под водой: спирали, волны, рыбы.

И в центре, на каменном алтаре, была вырезана роза. Крупная, глубокая, с лепестками, расходящимися по камню, — точь-в-точь как снежная роза из её книги. А под ней — углубление, идеально подходящее для двух кристаллов.

— Это здесь, — прошептала Алена. — Два ключа вставляются сюда.

Джеймс подошёл, достал из кармана сине-зелёный кристалл, и они, встретившись взглядами, одновременно опустили оба камня в углубление. Камни легли точно, с лёгким щелчком, как ключи в замок. Секунду ничего не происходило. Потом роза на стене вспыхнула золотым светом, и по камню побежали трещины — не разрушающие, а открывающиеся. Стена за алтарём медленно разошлась, как створки ворот, открывая тёмный проход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.